

Ирина Даневская

БИТВА ЗА ФРАНЦИЮ

Ирина Даневская

Битва за Францию

*Текст предоставлен правообладателем
Битва за Францию:*

Аннотация

Действие романа **«Битва за Францию»** продолжает интригу, заложенную в книге **«Путь к власти»**. Королева Англии Генриетта-Мария Французская после нелегкой борьбы добивается капитуляции всех своих недоброжелателей и оказывается в круговороте интереснейших событий, захлестнувших Европу в 1626–1629 гг. Это и напряженная политическая борьба в Англии, направленная на свержение первого министра – герцога Бэкингемского; и «Заговор Шале» против французского кардинала Ришелье, в котором большую роль отыграла английская и испанская разведка; а также интриги герцогини де Шеврез, жертвой которых пал самый знаменитый французский дуэлянт – граф де Бутвиль. В политических происках герцога Бэкингемского участвует «Джеймс Бонд XVII века» – Уолтер Монтегю, которому противостоит французский «серый кардинал» – Жозеф дю Трамбле. А от дипломатической сноровки гениального живописца Рубенса зависит заключение политического союза между Англией, Испанией, Нидерландами, Савойей и Лотарингией. И, наконец, осада Ла-Рошели, о которую разбиваются честолюбивые стремления первого министра Англии вывести свою страну на первое место в европейской политике.

Содержание

Часть 1: «Красный герцог»	5
Глава 1: «Заговор»	5
Глава 2: «Как все начиналось»[21].	10
Глава 3: «Начало конца»	15
Глава 4: «Отпущение грехов».	19
Глава 5: «Француз».	22
Глава 6: «Генриетта»	26
Глава 7: «Опасные игры»	33
Глава 8: «Новые подвиги Бутвиля».	37
Глава 9: «У страха глаза велики».	44
Глава 10: Ложь во спасение.	51
Глава 11: Ловушка захлопнулась.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ирина Даневская

Битва за Францию

Любимой мамочке посвящаю...

Автор

Действие романа «**Битва за Францию**» продолжает интригу, заложенную в книге «**Путь к власти**». Королева Англии Генриетта-Мария Французская после нелегкой борьбы добивается капитуляции всех своих недоброжелателей и оказывается в круговороте интереснейших событий, захлестнувших Европу в 1626–1629 гг. Это и напряженная политическая борьба в Англии, направленная на свержение первого министра – герцога Бэкингемского; и «Заговор Шале» против французского кардинала Ришелье, в котором большую роль отыграла английская и испанская разведка; а также интриги герцогини де Шеврез, жертвой которых пал самый знаменитый французский дуэлянт – граф де Бутвиль. В политических происках герцога Бэкингемского участвует «Джеймс Бонд XVII века» – Уолтер Монтегю, которому противостоит французский «серый кардинал» – Жозеф дю Трамбле. А от дипломатической ссоры гениального живописца Рубенса зависит заключение политического союза между Англией, Испанией, Нидерландами, Савойей и Лотарингией. И, наконец, осада Ла-Рошели, о которую разбиваются честолюбивые стремления первого министра Англии вывести свою страну на первое место в европейской политике.

Часть 1: «Красный герцог»

Глава 1: «Заговор»

Теплой майской ночью 1626 года, в то время, когда старый добрый город Париж уже спал сладким сном, по его пустынным улицам тряслась карета, запряженная парой добрых нормандских лошадей. Миновав Королевскую площадь, она выехала на широкую улицу Тюрен, ведущую к старому Тамплю¹, но, на полпути к этой мрачной крепости, построенной еще рыцарями – тамплиерами, свернула на улицу Сен-Жиль, и, наконец, остановилась у одного из тех неуклюжих жилищ, которыми были застроены старые районы Парижа в семнадцатом веке. Дом этот был небольшой, каменный, с неровными пристройками по бокам, а его массивный второй этаж нависал над первым так, словно собирался раздавить его своей мощью. Такими же уродливыми были все дома на улице Сен-Жиль, но этот отличался от остальных свежеевыкрашенными зелеными ставнями на окнах, из-под которых пробивался едва уловимый свет.

Из кареты вышел молодой человек в полумаске и стал оглядываться вокруг, нервно сжимая эфес шпаги. Улица была тиха и пустынна. Не было слышно ни хохота засидевшейся допоздна в каком-нибудь трактире пьяной компании, ни робких шагов молчаливого патруля, призванного охранять покой и сон жителей города, ни цокота копыт коня одинокого влюбленного, направляющегося к своей даме, ни даже тихой брани ночных призраков – грабителей, подстерегающих неосторожного путника.

– Все спокойно, Ваше Высочество, – заметил мужчина, сидевший рядом с кучером, хотя его богатая одежда и шпага, выглядывавшая из-под полы его плаща, красноречиво свидетельствовали о том, что такое место не подобает знатному дворянину, которым тот, без сомнения, и являлся.

– Да тише Вы, д’Орнано², – испуганно прошептал юноша. – Кто мне поручиться, что за этими закрытыми ставнями не притаился шпион Ришелье³? Или вон за тем углом... или за этим?

Он трагическим жестом указал на темную подворотню, и тут же сдавлено вскрикнул: – Бог мой... да там действительно кто-то есть!

И, правда, из-за угла дома на мгновение высунулась чья-то тень, которая, увидев карету, тут же спряталась обратно.

– Что случилось, Ваше Высочество? – спросил обеспокоенный женский голос, обладательница которого все еще сидела в карете.

– За нами следили, герцогиня! – испуганно ответил тот, кого называли принцем. – Дьявольщина, и зачем я Вас послушался? Зачем влез в эту авантюру?

– Да не суетитесь Вы, господин храбрец, – прикрикнула женщина. – Д’Орнано, Ла Порт, взгляните, кто там.

Кучер и сидевший рядом дворянин недовольно переглянулись, но выполнили ее приказ.

¹ Тампль – средневековая крепость в Париже, основана в 1222 г.

² Д’Орнано Жан-Батист (1581–1626) – маркиз Монтлор, маршал Франции. С 1 октября 1619 – воспитатель Гастона Орлеанского.

³ Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье, (9 сентября 1585, Париж – 4 декабря 1642, Париж) – французский кардинал, аристократ и государственный деятель. Был государственным секретарём с 1616 года и главой правительства («главным министром короля») с 1624 года до своей смерти. Главный итог государственной деятельности Ришелье состоит в утверждении абсолютизма во Франции.

– Вы с ума сошли, Шевретта⁴! – быстро проговорил принц. – Нужно уезжать отсюда. И чем скорее, тем лучше...

Эту смелую речь прервал раскатистый смех господина д'Орнано. Услышав хохот, принц, уже поставивший ногу на подножку кареты, обернулся и увидел, что его воспитатель обнимается с тем самым неизвестным господином, который имел неосторожность так напугать Его Высочество, а господин де Ла Порт в то же время почтительно приветствует его спутника.

– Это Конде⁵, – герцогиня вышла из кареты, и теперь, скорчив недовольную гримаску, ожидала приближающихся весельчаков. – Я его узнаю из тысячи по этому лошадиному ржанию.

– И Суассон⁶, – добавил Его Высочество, досадуя на себя за то что, так неосторожно обнаружил свой страх.

Этот принц был ни кто иной, как брат короля Франции Людовика XIII⁷, Гастон, герцог Анжуйский⁸. Как все трусы, он страстно желал казаться храбрецом, и, как не странно, ему действительно удавалось убедить в этом окружающих. Только через много лет кто-то из придворных остроловов с удивлением отметит удивительную удачливость Его Высочества, которому за всю жизнь посчастливилось участвовать в многочисленных сражениях, и не получить при этом даже легкого ранения, плести множество интриг, и благополучно избегать расплаты...

Сейчас герцогу Анжуйскому было восемнадцать лет. Веселый и остроумный, с неизменной улыбкой на лице и элегантными манерами, он был любимцем и своей матери, Марии Медичи⁹, и всего французского двора. Придворные, которые чуть ли не ежедневно становились жертвами угрюмого характера короля, только вздыхали, глядя на его младшего брата, и мечтали, что, быть может, Господь милостью своей, все же наденет корону на голову Гастона.

Но герцогиня де Шеврез, которая сейчас стояла рядом с принцем, не желала отдавать такое важное дело, как престолонаследие, на милость Фортуны. Именно в ее умной и коварной головке зародился план сделать Гастона королем Франции, избавившись и от ненавидевшего ее Людовика, и от могущественного кардинала Ришелье, его первого министра.

Красавица Мари не сомневалась в успехе задуманного, сумев заручиться поддержкой короля Испании¹⁰, властителей Савойи¹¹ и Лотарингии¹², а также, первого министра Англии –

⁴ **Мари́ Эме́ де Рогáн-Монбазóн, герцогиня де Шеврёз** (декабрь 1600 – 12 августа 1679) – представительница высшей французской аристократии, одна из центральных фигур в водовороте придворных интриг Франции 1#й пол. XVII в.

⁵ **Генрих II де Бурбон** (1 сентября 1588 – 26 декабря 1646), 3#й принц де Конде. Кузен короля Людовика Тринадцатого, глава протестантской партии во Франции. Если бы прервалось потомство Генриха IV Бурбона, следующим претендентом на корону становился Конде.

⁶ **Людовик де Бурбон, граф де Суассон** (1604, Париж – 1641), сын Карла де Бурбона и Анны де Монафи. После смерти своего отца в 1612#ом году стал губернатором провинции Дофинэ, а в 1631#ом году – губернатором Шампани. Участник многочисленных заговоров против кардинала Ришелье.

⁷ **Людовик XIII Справедливый** (27 сентября 1601, Фонтенбло – 14 мая 1643, Сен-Жермен-ан-Лэ) – король Франции с 14 мая 1610 года.

⁸ **Гастон, герцог Орлеанский** (25 апреля 1608, Фонтенбло – 2 февраля 1660, Блуа) – младший сын короля Генриха IV и Марии Медичи. До 1626 известен как герцог Анжуйский, затем ему присвоены титулы герцога Орлеанского, графа Шартрского и графа Блуа. Носил при жизни брата, Людовика XIII, титул «Месье» и «Единственный брат короля», до рождения будущего Людовика XIV (1638) являлся престолонаследником. После смерти брата титуловался «Монсеньёр», как это обычно для герцогов. Всю свою жизнь вел интриги против короля и кардинала Ришелье, позже – против кардинала Мазарини.

⁹ **Мария Медичи** (26 апреля 1575, Флоренция – 3 июля 1642, Кёльн) – королева Франции, дочь великого герцога Франческо I Тосканского. В 1600 г. вышла замуж за Генриха IV Французского. После его смерти в 1610 г. – регентша Франции до 1617 г.

¹⁰ **Филипп IV** (8 апреля 1605 – 17 сентября 1665) – король Испании, король Португалии и Альгарвы с 31 марта 1621 г. Из династии Габсбургов. Вступил на престол 16-летним юношей (1621) и возложил все бремя управления государством

герцога Бэкингемского¹³, который обещал снарядить внушительный флот на помощь французским протестантам, когда те, по своему обыкновению, вновь возьмутся за оружие. Среди французских участников заговора были первые дворяне королевства, и даже принцы, обеспокоенные влиянием «высочки в красной сутане», как они пренебрежительно называли Ришелье.

Именно, этим вечером главные заговорщики должны были собраться в неприметном доме на улице Сен-Жиль, чтобы обсудить свои дальнейшие действия.

– Герцогиня, Вас ли я вижу? – громогласно воскликнул Анри де Бурбон, принц де Конде, хватая маленькую ручку Шевретты, и небрежно касаясь ее губами. – Надеюсь, хоть сейчас Вы сообразите объяснить, из-за чего мне пришлось сломя голову мчаться в Париж, чтобы иметь удовольствие встретиться с Вами в этой дыре? Ба! Гастон, и ты здесь? Твое Высочество так удачно спрятался за юбку герцогини, что я не сразу тебя заметил. Да что там я! Клянусь Богом, и шпионы кардинала не нашли бы тебя там.

– Им нет нужды трудиться, так как ты уже сообщил о моем присутствии всему Парижу, – не остался в долгу герцог Анжуйский, обнимая подоспевшего графа Суассона.

– Герцог прав, – вмешалась Мари де Шеврез. – О делах нужно говорить за закрытой дверью, а не перед ней. Пойдемте!

Она подошла к нужному дому и постучалась условленным стуком в закрытую дверь. Обитатели этого жилища, видимо, только и ждали сигнала, поскольку дверь тут же отворилась, и посетители вошли внутрь. Их встретил красивый молодой человек, приветствовавший своих гостей так радушно, как это подобает гостеприимному хозяину, которому оказали честь своим посещением принцы крови.

– Ваше лицо, сударь, мне знакомо, – недоверчиво произнес герцог Анжуйский. – Я уверен, что встречал Вас при дворе.

– Я входил в свиту Его светлости герцога Бэкингемского во время последнего визита милорда во Францию, и, затем, сопровождал Ее Величество Генриетту Французскую в Англию, – объяснил молодой человек. – Я – Уолтер Монтегю¹⁴.

– Ах, да, Вы – сын герцога Манчестерского, – хлопнул себя по лбу Гастон. – Так это Бэкингем прислал Вас во Францию?

– Я нахожусь здесь по поручению Ее Величества английской королевы, – изящно поклонился Уолтер. – Я должен предостеречь всех Вас, господа, от необдуманных действий, которые могут погубить дело, в успехе которого мы все заинтересованы...

Речь лорда Монтегю прервал приход принцев Вандомов – Сезаря¹⁵ и Александра¹⁶, сводных братьев короля Франции и герцога Анжуйского. Когда приветственные речи утихли, Уолтер продолжил.

– Я располагаю сведениями, что Ришелье знает о нашем небольшом предприятии, – заявил он. – Моя агент, доставляющий письма к некоему Лапьерру, обнаружил за собой

на своего любимца, герцога Оливареса.

¹¹ **Карл Эммануил I Великий** (12 января 1562 – 26 июня 1630) – герцог Савойский с 1580 года.

¹² **Карл IV** (5 апреля 1604, Нанси – 18 сентября 1675) – герцог Лотарингии и герцог Бара с 1625 по 1675 г.

¹³ **Джордж Вилльерс** (28 августа 1592, Бруксби, – 23 августа 1628, Портсмут), 1#й герцог Бэкингем (с 1623 г.) – английский государственный деятель, фаворит и министр королей Джеймса I и Чарльза I Стюартов.

¹⁴ **Уолтер Монтегю** (1603–1677) – английский дипломат и секретный агент католицизма в Англии.

¹⁵ **Сезар де Бурбон** (3 июня 1594 – 22 октября 1665) – первый герцог де Вандом с 1598 года, герцог де Бофор и герцог д'Этамп с 1599 года, 5#й герцог де Пентьевр, герцог де Меркёр; великий адмирал Франции (1651 г). Родоначальник рода Вандом, побочной линии династии Бурбонов. Внебрачный сын короля Франции Генриха IV Великого и Габриэль д'Эстре, герцогини де Бофор.

¹⁶ **Александр де Вандом** (1598–1629), младший сын Генриха IV-го и его любовницы Габриэль д'Эстре. Великий Приор Франции. Участник «Заговора Шале» (1626 г.)

слежку, и установил, что за ним следили люди отца Жозефа, который, как мы с Вами знаем, руководит кардинальской разведкой.

– Вы хотите сказать, что Ришелье знает о заговоре? – испугался Гастон.

– Я не знаю, о чем именно осведомлен Его Высокопреосвященство..., – начал было Мотегию, но тут в разговор вмешался Александр де Бурбон, Великий Приор Мальтийского ордена.

– Вы не знаете! – воскликнул он. – Так узнайте, сударь, а потом пугайте нас. Только предупреждаю, – это дело нелегкое, поскольку трусов здесь нет!

– Я нисколько не сомневаюсь в храбрости Вашего Высочества, – успокоительно заметил Уолтер – Но если агенты кардинала вышли на след адвоката Лапьерра, через руки которого проходит вся ваша переписка с Англией, Испанией, Савойей, и Лотарингией, то возможно, что какие-то письма уже попали в руки Ришелье! Я, собственно, и прибыл в Париж, чтобы предупредить Вас об этом.

Заговорщики тревожно переглянулись.

– Я ручаюсь за преданность Лапьерра, – наконец, сказала мадам де Шевез.

– Попытки развязывали языки даже самым преданным людям, – мрачно возразил Конде.

– Положим, адвоката мы спрячем, – задумчиво проговорил принц Сезар. – Нет его – нет и доказательств.

– Замечательно, – кивнул англичанин, который, на самом деле, так не думал. – Но меня больше волнует не господин Лапьерр, а то, как Рошфор¹⁷, этот кардинальский шпион, узнал о его существовании.

– Среди нас есть предатель, господа! – стукнул кулаком по столу Конде, но, увидев побагровевшее лицо Великого Приора, исправился: – Я не говорю про собравшихся здесь. Мы все выше подозрений. Но есть и другие...

– О, Боже, – Гастон был близок к обмороку. – А я и так рискую больше всех вас...

– Корона Франции – не такая уж и малая плата за риск, – усмехнулся Сезар.

Конде, что спал и видел себя королем, только хмыкнул.

– А я влез в это дело только из любви к Гастону, – растерялся Суассон. – Но если кардинал все знает...

– Довольно, господа! – вмешалась герцогиня де Шеврез. – Я думаю, мы должны потопиться, и привести свой план в исполнение быстрее, чем планировали. Я сегодня же встречу с Шале¹⁸, и потребую у него исполнить свою клятву и, наконец, покончить с Ришелье.

– А он не отступится? – тревожно спросил Конде.

– Если любят, то не отступают, принц, – улыбнулась герцогиня. – А граф влюблен в меня, и сделает все, что я ему прикажу. В Лувре достаточно и укромных углов, где можно совершить убийство, и запутанных переходов, которые помогут скрыться, после того, как дело будет сделано.

– А король? – Конде был полон решимости выяснить все до конца.

– Избавившись от слуги, избавимся и от господина, – ответила Шевретта. – Монастырей во Франции более чем достаточно.

– Да я не о том, – поморщился принц. – Затевать убийство министра под носом у Людовика, по меньшей мере, глупо. И небезопасно.

– Я думаю, проще всего застать Ришелье врасплох во Флери, его летней резиденции, – задумчиво проговорил Гастон. – Во-первых, Флери находится всего в нескольких лье от Фонтенбло. Во-вторых, если кардинал что-то и подозревает, то в собственном доме

¹⁷ Эркюль Франсуа де Пинкерле, граф де Рошфор (род.30 января 1591 г.) – паж, потом лейтенант, и, наконец, капитан гвардейцев кардинала Ришелье. Сыграл ключевую роль в разоблачении «дела Шале» в 1626 г.

¹⁸ Анри де Талейран-Перигор, граф де Шале (1599–1626), хранитель гардероба короля Людовика XIII-го. В 1626#ом году участвовал в заговоре, целью которого было устранение Людовика XIII-го и возведение на престол его брата Гастона.

он наверняка не будет ожидать нападения. К тому же, это удобно, так как замок находится возле леса, и, если мы навестим Его Преосвященство под видом охотников, то кардинал будет вынужден оказать гостеприимство принцам крови.

– Продолжайте, – с интересом кивнула герцогиня.

Видно было, что Гастон уже давно продумал детали предстоящего убийства, так как, без малейшей запинки, он продолжил знакомить со своим планом остальных заговорщиков.

– Оказавшись в замке, мы выберем удобный момент, и спровоцируем ссору... например, за ужином, который Ришелье будет вынужден дать в нашу честь. В пылу ссоры господин де Шале и несколько моих офицеров выхватят шпаги, бросятся друг на друга, и, я ручаюсь, господин кардинал тут же кинется разнимать драчунов...

– А граф «случайно» проткнет его шпагой! – радостно вскрикнула Мари и захлопала в ладоши. – Браво, Ваше Высочество, Вы – прирожденный заговорщик.

Гастон удовлетворенно улыбнулся. Но не всем собравшимся его план пришелся по вкусу.

– Вы сошли с ума, господа! – недовольно пожал плечами Великий Приор. – Зачем создавать себе лишние трудности, если достаточно устроить засаду, и заколоть кардинала как кабана на охоте?

Но остальные заговорщики с ним не согласились. План герцога Анжуйского им пришелся по вкусу еще и потому, что снимал с них ответственность за убийство Ришелье, которое можно будет легко представить как несчастный случай.

– Итак, – удовлетворенно заметил Конде, – 26 мая 1626 года умрет Ришелье....In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti.¹⁹

– Amen!²⁰ – весело отозвались его товарищи.

¹⁹ Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа (лат.)

²⁰ Аминь! (лат.)

Глава 2: «Как все начиналось»²¹.

Анри де Талейран, граф де Шале, о котором несколько раз упомянул герцог Анжуйский, был красивым молодым человеком лет двадцати шести. Его мать, Франсуаза де Монлюк, обожала сына, и мечтала видеть его маршалом Франции. Понимая, что в провинции таких высот достичь не удастся, она выпроводила молодого человека ко двору, купив ему звание хранителя гардероба Его Величества Людовика XIII. За два года проведенные в Париже, остроумный и злоязычный граф умудрился нажить себе множество врагов, включая самого короля Франции. Да-да, Людовик был совсем не в восторге от колючих острот, которые отпускал в его адрес господин де Шале. Зато они пришлись по вкусу герцогине де Шеврез. Обратив внимание на шутки, красавица Мари, в конце концов, заметила и самого шутника. Граф был на седьмом небе от счастья, еще не догадываясь, как зло подшутила над ним судьба.

В то время, красавица герцогиня готовилась осчастливить мужа рождением ребенка, поэтому, смотрела на господина де Шале отнюдь не влюбленными глазами. Но в ее умной и коварной головке уже созрел план избавления Франции от ее первого министра – кардинала Ришелье. Для осуществления этих грандиозных замыслов требовалось совсем немного – союзники и надежный исполнитель. И, если, в союзниках недостатка не было, так как первый министр Франции уже успел обзавестись множеством врагов, то желающих взять на себя роль Божественного правосудия почему-то не находилось. Конечно, такое недоразумение не могло остановить деятельную натуру герцогини, и она решила подобрать палача из числа своих воздыхателей. Граф де Шале, который к тому времени, уже успел прославиться победами в нескольких поединках, показался ей наиболее подходящей кандидатурой.

Вскоре, граф совершенно потерял голову от томного взгляда красавицы Мари. И герцогиня, желая закрепить эффект, придумала ввести его в узкий круг заговорщиков, куда помимо герцога Анжуйского, Вандомов, Конде, Суассона и д'Орнано входила еще и Анна Австрийская²². Оказавшись в таком блестящем обществе, молодой человек совсем растерялся. Герцог Анжуйский называл его своим другом, Вандомы расточали комплименты, королева провозгласила его спасителем Франции, а сама Мари де Шеврез, которая к тому времени, уже благополучно родила, смотрела на него влюбленными глазами... Так что от вожделенного счастья графа отдалял всего лишь человек в красной сутане. Разумеется, де Шале тут же согласился избавиться от досадного препятствия.

Но сказать – куда легче, чем сделать, и своей отвагой господин де Шале мог поспорить с самим Ахиллесом²³, но, увы, только в присутствии герцогини. Стоило Шевретте отпустить от себя влюбленного рыцаря, как тот тут же начинал колебаться.

Однажды, Анри поделился своими сомнениями с дядей, капитаном королевских гвардейцев, шевалье де Валансе. От откровений племянника этот достойный муж пришел в ужас, и немедленно сообщил кардиналу о готовящемся заговоре. Отец Жозеф²⁴, который руко-

²¹ Об этих событиях подробно рассказывается в книге «Путь к власти».

²² **Анна Австрийская** (22 сентября 1601 – 20 января 1666) – королева Франции, супруга (с 18 октября 1615) короля Франции Людовика XIII. Дочь испанского короля Филиппа III, пыталась проводить происпанскую политику. Поддерживала заговоры против Ришелье. Брак Людовика и Анны 23 года был бездетным, и только в 1638 и 1640 годах, после нескольких неудачных беременностей у Анны, родились их два сына, будущие Людовик XIV и Филипп I Орлеанский. В 1643–1651 была регентшей при малолетнем Людовике XIV.

²³ **Ахиллес** – в героических сказаниях древних греков является храбрейшим из героев, предпринявших под предводительством Агамемнона поход против Трои.

²⁴ **Франсуа Леклер дю Трамбле** (4.11.1577 – 18.12.1638), известный также как отец Жозеф, французский монах ордена капуцинов, доверенное лицо и агент кардинала Ришелье. Серым кардиналом его прозвали за серый цвет носимого им

водил агентурой Ришелье, посоветовал Его Высокопреосвященству немедленно арестовать болтливого молодого человека, но первый министр Франции решил иначе.

– Я хочу, чтобы Ваши люди, друг мой, следовали за графом по пятам, – приказал он капуцину. – Я уверен, так мы узнаем много интересных вещей, которые господин Шале постарался бы утаить даже от заплечных дел мастера. Ну а арестовать этого мерзавца мы всегда успеем.

План господина кардинала, без сомнения, был гениален, но его агенты, преследуя Шале, обратили на себя внимания куда более опасного противника. Слуга лорда Монтегю, который доставил письма из Англии для герцогини де Шеврез уже знакомому нам адвокату Лапьерру, заметил подозрительных личностей, которые, крадучись, преследовали какого-то молодого человека. Им, как нетрудно догадаться, был господин де Шале. Вручив адвокату письмо от герцогини, граф преспокойно отправился домой, не подозревая, что за ним внимательно следят люди кардинала, за которыми осторожно крался любопытный англичанин. Он благополучно проводил шпионов до дома кардинала Ришелье, и немедленно сообщил своему господину в Англию о том, что Его Высокопреосвященство почему-то очень заинтересовался скромной личностью господина Лапьерра. Увы! На поездку в Англию и обратно требовалось время, и, пока гонец во весь дух мчался к лорду Монтегю в Лондон, и, затем, сам Уолтер, встревоженный полученными вестями, добирался из Лондона в Париж, агенты Его Преосвященства отнюдь не бездействовали.

Вот почему, во Флери, куда граф де Шале, следуя плану заговорщиков, прибыл 25 мая 1626 года, чтобы предупредить Ришелье о завтрашнем визите принца Анжуйского, его ожидал совсем не тот прием, на который он рассчитывал.

* * *

Кардинал принял Анри дю Талейрана в окружении вооруженных до зубов телохранителей, готовыми броситься на любого по первому сигналу Его Высокопреосвященства. Рядом с Ришелье стоял еще один человек, серое монашеское одеяние которого резко контрастировало с воинственной обстановкой комнаты. Это был тот самый Жозеф дю Трамбле, – «отец Жозеф», который руководил секретной службой Его Преосвященства и был его единственным другом. Ему одному Ришелье доверял настолько, что позволял входить без доклада в свои покои. Жестокость этого монаха внушала такой ужас подданным Людовика XIII, что не стоит удивляться тому, что и у Анри дю Талейрана по его пристальным взглядом сердце забилося сильнее, и лоб покрылся предательской испариной.

– Мой дом и я сам всегда к услугам Его Высочества, – любезно ответил кардинал на заявление графа о том, что герцог Анжуйский желает завтра поохотиться во владениях Его Преосвященства. – Пусть приезжает когда угодно, и останавливается здесь так долго, как только пожелает.

Шале радостно поклонился и уже сделал шаг к выходу, но кардинал его остановил.

– Мне известно, что завтра во Флери планируется некое событие, в котором Вы, друг мой, намереваетесь принять самое деятельное участие.

– Я не понимаю Вас, Ваше Преосвященство, – пролепетал Шале.

Ришелье молча протянул молодому человеку какую-то бумагу, прочитав которую тот тут же бросился к ногам Его Преосвященства.

Это были показания господина де Валансе.

– Встаньте, сударь, – презрительно поморщился кардинал. – Я бы мог отправить Вас на эшафот, и не сделаю этого лишь из-за сострадания к Вашей молодости. Я понимаю, что Вы стали игрушкой в руках могущественных людей, которых гордыня лишила разума.

– Это действительно так, – еле слышно проговорил граф.

– Я знаю, что герцог Анжуйский состоит в числе заговорщиков. Кто еще?

– Господин д’Орнано, – со вздохом ответил Шале.

– Ну, конечно! Кто бы еще смог так пагубно повлиять на принца, как не его воспитатель. Еще?

Анри замолчал. Он бы скорее умер, чем назвал бы имя герцогини де Шеврез и упомянул королеву, но понимал, что остальные заговорщики, назови он их, не будут такими предупредительными. С другой стороны, отказавшись говорить, граф неминуемо обрекал себя на пытки, гибель и бесчестье. Он перевел взгляд на отца Жозефа. Мрачная усмешка на лице капучина красноречиво подтверждала его опасения.

Неожиданно, счастливая мысль молнией пронеслась в голове господина дю Талейрана, и Анри даже удивился, как это простое решение не пришло ему на ум прежде, чем он выдал кардиналу господина д’Орнано. Бесспорно, у него был шанс не только выйти сухим из воды, но и избавиться от счастливого соперника, который прочно завладел сердцем Мари де Шеврез.

– Прощайте, милорд, – мстительно подумал Анри дю Талейран, вспомнив красавца англичанина, от общества которого Шевретта не смогла себя заставить отказаться даже во имя успеха дела, ради которого она, собственно, и впустила в свою постель графа де Шале.

– Мне известно, что в Париж прибыл Уолтер Монтегю, – вслух произнес он. – Я не знаю, имеет ли этот англичанин какое-то отношение к заговору, но он раньше приезжал во Францию в свите герцога Бэкингемского. А сейчас он желанный гость в доме принца Анжуйского. Я уверен, Ваше Преосвященство, что этот человек – английский шпион. Арестуйте его!

Ришелье и отец Жозеф многозначительно переглянулись.

– Вы – спаситель Франции, господин де Шале, – после долгой паузы произнес кардинал, меланхолично перебирая четки черного дерева – подарок папского легата. Франция и Англия находятся в состоянии войны, и, вполне возможно, что первый министр враждебного нам государства и затеял всю эту мышиную возню, чтобы вовлечь нашу страну в пучину раздоров и бедствий. Подкупив д’Орнано, дабы соблазнить юного Анжуйского блеском короны, Бэкингом, конечно же, и не собирается подпускать принца к трону. Герцог желает, чтобы его господин – король Англии стал действительным, а не номинальным французским монархом. Но, чтобы сменить Бурбонов²⁵ на Стюартов²⁶, нужно сначала устранить меня, потому что, пока я жив, планы этого подлого Бэкингема обречены на поражение. Теперь Вы понимаете, сударь, какую незавидную роль Вам уготовили?

– О, Ваше Преосвященство, – Шале был совершенно сбит с толку уверенной речью кардинала. – Я Вам не враг, и, клянусь жизнью, что скорее сам проткну себя шпагой, чем допущу, чтобы козни врагов Франции осуществились.

Ришелье с милостивой улыбкой протянул ему руку, которую молодой человек почтительно поцеловал.

²⁵ **Бурбоны** – европейская династия, младшая ветвь королевского дома Капетингов, происходящая от Робера (1256–1317), младшего сына Людовика IX Святого. Вступили на французский престол с пресечением другой ветви Капетингов – династии Валуа – в 1589 (в лице Генриха IV Наваррского).

²⁶ **Стюарты** – династия королей Шотландии (в 1371–1651, 1660–1707 гг.), Англии (в 1603–1649, 1660–1694, 1702–1707 гг.), Ирландии (в 1603–1649, 1660–1694, 1702–1714 гг.) и Великобритании (в 1707–1714 гг.).

Через четверть часа граф де Шале покинул Флери, будучи в полном восторге от Его Высокопреосвященства, который не только отпустил его с миром, но, и заверил, что не собирается наказывать никого из заговорщиков.

– Великий кардинал! – думал он. – Спасибо Господу, что не дал мне совершить чудовищную ошибку.

Анри дю Талейран граф де Шале не знал, что уже ее совершил...

* * *

– Ну, и почему же Вы его отпустили? – поинтересовался отец Жозеф, едва за Шале захлопнулась дверь. – Из-за показаний этого молодого человека кое-кто мог бы угодить на эшафот.

– Кто? Брат короля? – горько усмехнулся Ришелье. – Нет, друг мой, еще не пришла пора рубить головы принцам, тем более из-за такого ничтожного повода, как жизнь Вашего покорного слуги. Его Величество мог бы проявить строгость, только если бы опасность грозила ему самому... Но я хочу, чтобы Ваши люди следовали по пятам за этим месье, куда бы он не отправился. Уверен, он многое от нас утаил.

– Не беспокойтесь, – усмехнулся отец Жозеф. – Все тайное становится явным, когда за дело берусь я! Но признания Шале натолкнули меня на одну интересную мысль... Вы, помните, Ваше Преосвященство, я говорил Вам о том, что наш друг, аббат Фанкан²⁷, был похищен из своего собственного дома несколько недель назад неизвестными нам людьми?

– Да, – кивнул Ришелье. – Вы выяснили, кто решился на это чудовищное преступление?

– Мои агенты с ног сбились, пытаюсь установить детали, но тщетно, – вздохнул капуцин. – Даже старый слуга Фанкана, который был в доме в тот злополучный вечер, но успел спрятаться, не смог сообщить мне ничего существенного об этом преступлении, кроме одного: похитители говорили между собой по-английски, упоминая при этом какое-то судно, отплывающее в Англию. Вот я и решил, возможно, этот Уолтер Монтегю..

– Я тоже подумал об этом, – вздохнул Ришелье. – Но Шале сказал, что англичанин только несколько дней назад прибыл в Париж. И потом, кому в Англии мог понадобиться католический священник?

– Через которого, как известно Вашему Преосвященству, мы поддерживаем связь с епископом Мандским – личным духовником королевы Генриетты. Вспомните, что именно епископ и сообщил нам, что Ее Величество приблизила к себе господина Монтегю, который пользуется полным доверием королевы.

– Значит, Генриетта тоже замешана в этом заговоре! Впрочем, чему я удивляюсь – она меня всегда ненавидела.

Капуцин улыбнулся.

– Вы как всегда попали пальцем в небо, друг мой! Напомните мне, в чьих руках находится реальная власть в Англии?

Кардинал какое-то время смотрел на него, потом тихо рассмеялся.

– Значит, Бэкингом! Вот что, отец Жозеф, поставьте на уши весь Париж, но арестуйте этого Монтегю. Даже если окажется, что милорд прибыл во Францию, чтобы поесть улиток у Нового Моста, я обменяю его голову на свободу Фанкана.

²⁷ Франсуа Дорваль-Ленглу (Аббат Фанкан) (1576–1628) – настоятель собора Сен-Жермен Л'Оксеруа, писатель, один из главных деятелей секретной дипломатии Франции в эпоху Людовика XIII. Отстаивал вольности французского духовенства от власти Рима. Из-за своих контактов с Англией, германскими князьями и лидерами гугенотов в 1627 году угодил в Бастилию.

– А если Бэкингем непричастен к похищению аббата? Монтегю – важная птица, его арест спровоцирует международный скандал. И это в то время, когда мы твердо решили сохранить мир с Англией, чтобы не дать гугенотам²⁸ обзавестись таким мощным союзником.

– Тогда принесем англичанину наши глубочайшие извинения, и, заодно, потребуем, чтобы этот голубок стал нашими глазами и ушами при своем господине. А если откажется, мы сообщим королеве Генриетте о его шпионской деятельности при ее августейшей особе.

– Гениально!

Первый министр Франции удовлетворенно улынулся. Нечасто ему удавалось заслужить комплимент от своего строгого учителя.

²⁸ Гуге^но^ты – название с XVI века французских протестантов (кальвинистов).

Глава 3: «Начало конца»

Утром, 26 мая 1626 года, герцога Анжуйского разбудил слуга с известием, что первый министр Франции только что прибыл в Фонтенбло и настоятельно желает засвидетельствовать свое почтение Его Высочеству. Впрочем, разрешение принца на самом деле и не требовалось, так как за спиной лакея со сладкой улыбкой стоял сам Ришелье.

Разумеется, что неожиданный визит человека, которого Гастон уже мысленно похоронил, очень обеспокоил Его Высочество. Тем не менее, он постарался взять себя в руки и даже сумел уверенно спросить у кардинала, какого дьявола тот делает в его спальне в такое неурочное время.

– Ох, Монсеньор, как Вы могли столько времени скрывать от Вашего покорного слуги то, что Вашему Высочеству так приглянулась моя скромная резиденция! – вместо ответа воскликнул Ришелье. – Если бы я только знал об этом раньше... Я просто в отчаянии, что не смогу лично поприветствовать Вас во Флери.

– Это почему же? – заплетающимся от сна и волнения языком спросил Гастон.

– Король неожиданно назначил заседание Государственного Совета, и мне необходимо быть в Париже. Но, смею надеяться, что отсутствие хозяина никак не помешает Вашему Высочеству получить удовольствие от охоты, так как мой дом, разумеется, к Вашим услугам.

– Это не совсем удобно, господин кардинал, – тут же возразил герцог, для которого охота в кардинальских владениях без присутствия Ришелье теряла всякий смысл. – Я лучше подожду того счастливого дня, когда государственные дела смогут какое-то время без Вас обойтись. А пока он наступит, я могу поохотиться и в другом месте.

– Как будет угодно Вашему Высочеству, – ответил кардинал.

Он еще раз заверил принца в своей преданности, и вышел, оставив Гастона в полной растерянности. Впрочем, принц собирался с мыслями недолго и через каких-нибудь полчаса уже был в покоях у Анны Австрийской, где застал и герцогиню де Шеврез. Королева Франции так волновалась из-за предстоящего события, что накануне рокового дня оставила подругу ночевать в своей спальне, вызвав тем самым излишние кривотолки, так как такая вольность считалась грубейшим нарушением этикета.

Впрочем, напуганному до полусмерти герцогу Анжуйскому было не до церемоний.

– Кардинал все знает, – сообщил он удивленным его появлением женщинам. – Он только что был у меня.

Сраженная такой новостью, Анна Австрийская без сил упала в кресло. У герцогини де Шеврез все же хватило самообладания немного успокоить обезумевшего от страха принца, и выспросить у него подробности свидания с Его Преосвященством.

– Ну, это еще ничего не значит, – произнесла Мари, выслушав рассказ Гастона. – Простое совпадение.

– Вы думаете? – возмутился принц. – Сразу же, после ухода кардинала, я приказал слугам позвать ко мне д'Орнано. И что же? Мой воспитатель как сквозь землю провалился!

– Возможно, задержался у любовницы, – пожала плечами Шевретта. – Ваше Высочество как всегда все преувеличивает.

Прекрасная герцогиня, разумеется, была права – господин д'Орнано действительно ночевал у любимой женщины, из-за чего был арестован только через час после того, как кардинал Ришелье покинул покои короля Франции Людовика XIII, которого навестил сразу же после визита к принцу Анжуйскому.

* * *

Людовик был самым противоречивым государем в истории Франции. Наделенный всеми талантами, кроме тех, которые бы позволили ему самому управлять государством, он все же был достаточно умен, чтобы поручить это дело кардиналу Ришелье. Тот с радостью взвалил на себя груз власти, но скоро обнаружил, что Его Величество позабыл наделить его должностными полномочиями, необходимыми для выполнения нелегких обязанностей первого министра. Его Высокопреосвященство так был расстроен этим открытием, что уже подумывал совсем отказаться от дел и съехать в свой люсонский приход, но, узнав о дерзком предприятии герцогини де Шеврез, решил воспользоваться им как тот заправский игрок, что ставит на карту настоящее, чтобы иметь будущее.

– Я вижу, Вы, Ваше Преосвященство уже проснулись, – меланхолично поприветствовал Людовик своего первого министра. – А я, вот, совсем не ложился.

И, правда, у короля был какой-то помятый вид, а его покрасневшие глаза красноречиво свидетельствовали о бессонной ночи.

– Ваше Величество, – серьезно проговорил кардинал. – Мой доктор очень обеспокоен состоянием моего здоровья и настоятельно рекомендует мне удалиться в провинцию, подальше от столичной... да и от мирской суеты. Я склонен, как никогда, согласиться с ним, тем более, что на службе у Вашего Величества, я нажил немало врагов, и одно мое присутствие в Париже нарушает мир и покой в королевской семье...

– Я знаю, почему Вы хотите уйти от дел, – перебил его Людовик. – Против Вас составлен заговор, и Вашей жизни грозит опасность. Я даже могу назвать Вам имя человека, который дерзнул покуситься на Вашу жизнь. Это граф де Шале. Вопиющая неблагодарность, если учесть, что именно Вашей протекции он обязан своим местом при дворе! Я уже отдал приказ арестовать его.

– Я умоляю Ваше Величество не делать этого! – воскликнул Ришелье, крайне удивленный такой осведомленностью короля. – Этот человек – всего лишь исполнитель, и за его спиной стоят другие, куда более могущественные люди, чем он.

– Кто же?

Кардинал со скорбной улыбкой протянул Людовику бумагу, где Шале изобличал герцога Анжуйского и месье д'Орнано, описывая план принца по устранению Ришелье.

Прочитав письмо, ошеломленный король долго не мог сказать ни слова.

– Чем же Вы так помешали моему брату? – удивленно спросил он. – Не беспокойтесь. Я сейчас же повидаяюсь с ним, и потребую объяснений.

– Ах, Ваше Величество, – кардинал был само милосердие. – Я бы с радостью пожертвовал жизнью ради мира и спокойствия в королевской семье, но, боюсь, что все намного серьезнее. Вы видите, господин де Шале упоминает здесь лорда Монтегю. Этот англичанин входил в свиту герцога Бэкингема, когда тот приезжал во Францию.

Желтоватое лицо Людовика покрылось пунцовыми пятнами. Он хорошо помнил прошлый визит английского министра, который дерзнул украсить голову французского монарха великолепными рогами.

– Вы считаете, в этом деле замешана королева Анна? – спросил король прерывающимся от гнева голосом.

Ришелье довольно улыбнулся. Удар, без сомнения, попал в цель.

– Чтобы узнать это, нам необходимо задержать господина Монтегю...

– Это исключено, – резко прервал его король. – Впрочем, я думаю, англичанин уже успел покинуть Париж.

– Видя такую осведомленность Вашего Величества, я действительно могу со спокойной совестью уехать в Люсон, – изумленно проговорил Ришелье.

– Я никуда Вас не отпускаю! – испугался Людовик. – Если Вашей жизни грозит опасность, удвойте количество телохранителей! Пусть слуги пробуют Вашу еду и питье, даже если я сам приготовлю их на Ваших глазах. Как Вы можете требовать отставки сейчас, когда Вы так нужны мне... и Франции?

– Ваше Величество, – кардинал низко склонился перед королем, – моя жизнь принадлежит Вам. Но могу ли я узнать, откуда Вашему Величеству известно о заговоре?

– В моем королевстве, Ваше Преосвященство, новости первым узнаю я, – Людовик внушительно поднял палец. – Что же касается источника информации...

Король замялся, решая, говорить о нем или же промолчать. Но цепкий взгляд Ришелье уже успел обнаружить письмо, лежавшее на столе, и даже рассмотреть герб отправителя на сломанной печати.

– Королева Генриетта поступает как любящая и преданная сестра, если предупреждает Ваше Величество о грозящей опасности, – осторожно заметил он.

Теперь пришел черед короля удивляться.

– Королева Англии советует мне отправить Вас в отставку, пока Вас не отправил на тот свет некий господин де Шале. А господин Монтегю – это личный секретарь Ее Величества и явился в Париж с письмами к королеве-матери. Генриетта рекомендует мне тоже воспользоваться его услугами, чтобы ответить ей на это письмо. И я уже последовал ее совету.

Ришелье даже привстал от неожиданности. Перед визитом к королю он поручил своим людям арестовать опасного англичанина, и не сомневался в том, что его поручение было исполнено.

– Но, возможно, господин Монтегю смог бы кое-что рассказать нам о заговоре, – растеряно проговорил кардинал. – Если в этом деле замешана Англия, то мне совершенно ясно, что речь идет не о обычной семейной склоке, которая иногда затмевает взаимопонимание государей и их подданных, а о международном заговоре, затеянном, чтобы нарушить мир и порядок в стране.

– Ну, поговорите с ним, если Вам так угодно, – ответил король. – Но лучше узнайте подробности у господина д'Орнано. Он мне до смерти надоел! А Шале...

– ... будет на свободе, пока мы не доберемся до остальных заговорщиков, – примирительно закончил министр.

Если в покои короля Ришелье входил смиренным слугой Его Величества, то из них он, по собственному признанию, вышел уже господином. Король обещал кардиналу полное содействие и поддержку в борьбе с его врагами даже в том случае, если бы они принадлежали к королевской семье. Но и этих полномочий Его Высокопреосвященству было мало. Поэтому, он с утроенным волнением и надеждой ожидал возвращения своей агентуры с Брюсселя, куда доставлялись письма от адвоката Лапьерра. Сам же адвокат, к большому неудовольствию Ришелье, успел исчезнуть в неизвестном направлении.

Некой компенсацией этой неприятности послужил арест Уолтера Монтегю. Но, к удивлению кардинала, англичанин оказался крепким орешком и, не сообщив ничего нового о похищении Фанкана (о чьей судьбе он действительно ничего не знал), грозил Его Высокопреосвященству если не войной, то значительными осложнениями дипломатических отношений с Англией. И был так убедителен в своем негодовании, что перепуганный кардинал, не решаясь ни отпустить неудобного узника, ни предъявить ему официальные обвинения, приказал выделить милорду парадные апартаменты в Бастилии, предназначавшиеся для принцев крови. Ришелье собирался держать Монтегю в тюрьме тайно, до тех пор, пока не придут известия из Англии, куда министр собирался отправить надежного человека.

Поступая так, Его Преосвященство серьезно рисковал. Но, чувствуя, что находится на правильном пути, и, слепо доверяя своей интуиции, кардинал собирался и дальше следовать ее советам.

Глава 4: «Отпущение грехов».

В то же время, когда кардинал Ришелье беседовал с королем, самый знаменитый дуэлянт Франции Франсуа де Монморанси, граф де Бутвиль²⁹, сидел в постели, и, протирая глаза, изучал письмо, доставленное сегодня утром посыльным из кардинальского дворца. Поскольку голова раскалывалась от выпитого за ужином вина, очевидный смысл послания не сразу дошел до его сознания.

«Его Высокопреосвященство кардинал де Ришелье приглашает господина де Монморанси, графа де Бутвиля в пять часов вечера во Флери.»

– Черт возьми! – воскликнул Бутвиль. – Его Высокопреосвященство так добр ко мне, что вспомнил о моем существовании. Но какого дьявола? Неужели, из-за той пустяковой дуэли, где я был секундантом у графа де Шале?

Первый бретер Франции слишком хорошо знал, что не может рассчитывать на любезный прием. Граф перевел взгляд на часы. Они показывали половину двенадцатого. Оставалось еще довольно много времени, чтобы придумать предлог уклониться от встречи. Но Бутвилю было скучно, вечер был свободным, и он решил пойти.

Вопреки ожиданиям, Ришелье принял его довольно любезно.

– Вы храбрый человек, господин де Бутвиль, – протянул кардинал, пытливо рассматривая молодого красавца, что бесстрашно стоял перед ним.

– Ваше Преосвященство, все, имевшие наглость считать меня трусом, уже в аду.

– Я хочу сказать, что было очень смело с Вашей стороны прибыть сюда.

– Вы сами, Ваше Преосвященство, меня пригласили, и я не припоминаю за собой ничего, что могло бы вызвать Ваше неудовольствие.

– А как же с эдиктами, сударь мой?

– Я предполагаю, что Вы позвали меня не за тем, чтобы прочитать проповедь о спасении души?

Лицо у Ришелье перекошило от гнева.

– Несколько месяцев назад на поединке Вами был убит маркиз де Порте!

– Он посмел претендовать на ту же придворную должность, что и я.

– Вы убили де Кугни и де Вая!

– Они отказались просить помилования.

– Вы ранили Понжибо в День святой Пасхи!

Упоминание о дуэли, которая в свое время вызвала особое раздражение духовенства и Парижского парламента, из-за чего все ее участники были приговорены к смерти, несколько не порадовало господина де Бутвиля. Он с сожалением взглянул на кардинальское облачение собеседника, которое лишало его возможности бросить вызов.

– Я был амнистирован особым королевским указом по случаю бракосочетания принцессы Генриетты³⁰, и Вашему Преосвященству это хорошо известно, – отрезал он.

Кардинал понял, что нужно сбавить тон. Господин де Монморанси отнюдь не был тем человеком, которого можно было легко запугать.

– Вы тоже собирались принять участие в сегодняшней охоте Его Высочества герцога Анжуйского? – мрачно спросил Ришелье, бросая мимолетный взгляд на портьеру из тяжелого лионского бархата, которая подозрительно зашевелилась, выдавая присутствие посто-

²⁹ Франсуа де Монморанси-Бутвиль (1600 – 21.6.1627), французский дворянин, заядлый дуэлянт. Был участником 22 дуэлей.

³⁰ Генриетта-Мария Французская (25 ноября 1609 – 10 сентября 1669) – младшая дочь французского короля Генриха IV и Марии Медичи, выданная замуж в 1625 году за Чарльза I Стюарта, короля Англии, Шотландии и Ирландии. Мать двух английских монархов (Чарльза II и Джеймса II).

ронних. Его Преосвященство был слишком осторожным человеком, чтобы принимать такого гостя наедине.

Бутвиль ничего не заметил, и только пожал плечами. Входя в число ближайших друзей принца Гастона, он, конечно же, слышал об охоте в окрестностях Флери, и даже о каком-то заговоре, но, будучи крайне легкомысленным человеком, пропускал все мимо ушей. Из-за этой особенности характера своего друга, герцог Анжуйский побоялся заранее довериться ему, и рассчитывал сообщить истинную причину визита в кардинальские владения только на самой охоте. Впрочем, он действительно рассчитывал на присутствие друга, и господину Монморанси пришлось проявить чудеса изворотливости, чтобы отделаться от приглашения. Вот почему Бутвиль только безразлично зевнул, когда Ришелье еще раз повторил свой вопрос.

– Нет.

– Почему?

– Мне не доставляет удовольствия Ваше общество, Ваше Преосвященство. Именно этим я и объяснил Монсеньору свой отказ.

Вопреки его ожиданиям, кардинал нисколько не рассердился, и только облегченно вздохнул. Господин Монморанси совершенно не умел притворяться, поэтому, Его Преосвященство не сомневался, что тот ничего не знает о заговоре. Но от этого опаснейшего человека, который один стоил сотни солдат, и пользовался огромной популярностью в армии, накануне возможного государственного переворота нужно было срочно избавиться. И с наибольшей для себя выгодой!

– Я хочу предложить Вам сделку, месье, – министр решил сразу взять быка за рога. – Вы отправитесь в Англию в качестве посла к Ее Величеству. Вы передадите королеве Генриетте мое письмо, и привезете ответ. Вот этой услуги я жду от Вас. Что скажете?

– Скажу, что я удивлен. Я никогда не принадлежал к числу Ваших друзей.

– Вы были другом Генриетты Французской. Я ошибаюсь?

– Нет, Ваше Преосвященство, и, поскольку я был другом Ее Величества, я никогда не сделаю ничего, что могло бы ей повредить.

– Мои предложения не причинят неприятностей королеве.

– Тогда изложите мне их, Ваше Преосвященство, и, если это так, то я исполню ваше поручение!

Рука кардинала уже несколько раз тянулась к шнурку звонка, чтобы вызвать охрану для ареста наглеца, но Ришелье сдержал себя. Бутвиль не был тем человеком, который без сопротивления отдаст себя в руки правосудия. К тому же, шум, неизбежный при аресте представителя знатнейшей фамилии Франции, да и сам арест господина де Монморанси был кардиналу сейчас не нужен. Его Преосвященство хорошо помнил беспорядки в Париже, когда был оглашен очередной смертный приговор Бутвилю, его противнику Понжибо, а также, секундантам де Шанталю и де Салю, которые, к тому времени, благополучно сбежали за границу. Тогда, не имея возможности наказать самих дуэлянтов, судебские торжественно повесили их чучела на Гревской Площади, и те той же ночью были похищены друзьями Монморанси. Они же грозились поджечь Париж, если судебные исполнители дерзнут разрушать дома преступников, как это было предписано судом...

– Я знаю, граф, что Вы – человек чести, – как можно мягче произнес кардинал. – Англия и Франция находятся в состоянии войны, а я хочу мира. И, кто, как не французская принцесса может мне помочь сохранить добрые отношения между нашими странами?.. Я не хочу отправлять в Англию официальное посольство ... во всяком случае, пока не выясню, могу ли я ждать помощи у Ее Величества.

– Письмо можно доверить простому курьеру, – возразил Бутвиль.

– Мне не нужен гонец, мне нужен посредник, которому королева могла бы доверять. Вы, как никто знаете, что Генриетта меня ненавидит, и отклонит любое мое предложение, только потому, что оно исходит от меня.

Против этого довода было трудно возражать, и Франсуа не стал этого делать еще и потому, что ему не терпелось поскорее отправиться в Англию.

– Я выполню Ваше поручение.

Кардинал вознаградил его самой милостивой улыбкой, которую был способен изобразить.

– Но это еще не все. Я хочу, чтобы в Англии Вы встретились с герцогом Бэкингемским...

– Как? – Бутвиль был разочарован, – но Вы же говорили, что я встречусь с королевой?

– Не спешите, – успокоил его Ришелье. – Вы скажете милорду герцогу, что лорд Монтегю, его близкий друг, находится в Бастилии. Вы не будете описывать Бэкингему мрачное будущее, ожидающее этого английского шпиона, а просто предложите герцогу самому нарисовать картину в своем воображении, и пусть не боится переборщить с красками – какими бы мрачными они не были – он не ошибется. Вы также скажете, что я предлагаю ему обмен: Монтегю на аббата Фанкана...

Кардинал подумал, и, с сомнением глядя на графа, добавил:

– Я не уверен в том, что Бэкингем знает о судьбе Фанкана, и, если он скажет Вам об этом, Вы предложите милорду спросить о нем английскую королеву.

Глаза Бутвиля задорно блеснули. Он был уверен в том, что похищение священника – дело рук Генриетты.

– Я дам Вам письма и для Бэкингема, и для Ее Величества, – помолчав, добавил Ришелье. – Это все. Так Вы едете?

– Да, – после некоторого колебания, ответил Бутвиль, который мог бы вполне продать душу дьяволу, лишь бы еще раз увидеть Генриетту.

Ришелье знал это, и теперь довольно усмехнулся, поздравляя себя с успехом. Он протянул графу довольно увесистый кошелек.

– Я полагаю, что должен оплатить Вам дорожные издержки.

– Конечно, – кивнул граф, и, взяв деньги, положил их в карман камзола. – Но что я получу взамен, если выполню Ваше поручение?

– Полное отпущение грехов, – рассмеялся кардинал, который и сам не верил в такую возможность...

Глава 5: «Француз».

Итак, де Бутвиль отправился в Англию. Путешествие прошло гладко, несмотря на то, что страны находились в состоянии войны, и благодаря тому, что граф пребывал в прекрасном расположении духа в ожидании встречи с английской королевой. Он легко нашел роскошный Йорк-Хауз – дворец Бэкингема, и теперь стоял в приемной, требуя встречи с всемогущим министром.

– Как прикажете доложить о себе? – спросил его герцогский секретарь Патрик Роджерсон, не решаясь ни прогнать, ни выпустить опасного посетителя.

– Франсуа де Монморанси, граф де Бутвиль, чрезвычайный посол его Преосвященства кардинала де Ришелье.

– Тогда предъявите вверительные грамоты, – не сдавался Патрик.

Бутвиль с презрительной усмешкой вытащил письмо, адресованное Бэкингему, и указал на печать.

– Хорошо, – после минутного раздумья, произнес Роджерсон, – я сообщу герцогу.

* * *

Первый министр Англии – Джордж Вилльерс герцог Бэкингемский был необыкновенным человеком. Выходец из бедной дворянской семьи, он сумел обратить на себя внимание короля Джеймса³¹, и, сделавшись его фаворитом, добился не только герцогского звания, которое до него носили только принцы, но и ряда высших государственных должностей. Но если прекрасная внешность помогла Бэкингему взобраться на самую вершину власти, то острый ум позволил с нее не упасть. Молодой король Англии – Чарльз I³² относился к Джорджу Вилльерсу еще лучше своего покойного отца, и, позволив ему сохранить все прежние звания, добавил к ним еще несколько прибыльных должностей и монополий, что позволило герцогу Бэкингемскому стать фактическим правителем королевства.

Когда Патрик доложил министру о необычном посетителе, герцог находился в своем кабинете, и изучал длинный список депутатов нового парламента, и собственноручно вычеркивал из него тех строптивцев, чей несговорчивый нрав был способен омрачить мирный характер заседаний. Полубоившись на результат своей работы, Бэкингем тяжело вздохнул: врагов, как всегда, получалось больше, чем друзей. Выделив из этого списка пятеро наиболее злостных личных недоброжелателей, министр протянул бумагу секретарю.

– Этих людей нужно немедленно назначить шерифами в отдаленные графства, – приказал он. – Приготовь соответствующий приказ, и я сам отвезу его на подпись Его Величеству. Жаль, что смутьянов в Англии больше, чем свободных государственных должностей. А ведь это пока единственно законный способ закрыть рот оппозиции, не прибегая к насилию и крайним мерам... Так кто там желает меня видеть?

– Граф де Бутвиль, – повторил Патрик.

Бэкингем был храбрым человеком, но сейчас, услышав о необычном посетителе, он удивился и встревожился:

³¹ **Джеймс VI Шотландский**, он же Джеймс I Английский (19 июня 1566 – 27 марта 1625) – король Шотландии (с 24 июля 1567 года – под опекой регентского совета, с 12 марта 1578 года – единолично) и первый король Англии из династии Стюартов с 24 марта 1603 г. Джеймс I был первым государем, правившим одновременно обоими королевствами Британских островов.

³² **Чарльз I** (19 ноября 1600 – 30 января 1649) – король Англии, Шотландии и Ирландии с 27 марта 1625 года. Из династии Стюартов.

– Ришелье вздумал отправить ко мне послом первого бретера Франции? Хорошо, я приму этого человека.

– Нужно ли так рисковать, милорд? – запротестовал осторожный Роджерсон. – Может, арестовать его или хотя бы позвать охрану?

– И ослабить себя трусом на всю Европу? Никогда! – воскликнул министр.

Тем не менее, Патрик предусмотрительно протянул ему шпагу, а сам, вооружившись до зубов, встал за дверью, предварительно пропустив внутрь господина Монморанси.

При виде гостя, герцог непроизвольно положил руку на эфес шпаги, поскольку бравая внешность посла совсем не вязалась с привычным обликом дипломата.

– Так значит, Вы тот самый граф де Бутвиль? – все же любезно спросил он. – Я много слышал о Вас, когда был в Париже. Чем могу быть полезным Вам и Его Преосвященству?

В двух словах граф изложил милорду суть дела, вручил письмо, и, ожидая ответа, принялся рассматривать фамильные портреты семейства Вилльерсов, украшавшие собою стены герцогского кабинета. Подозрения Бэкингема еще более усилились. Ему казалось невероятным, что Ришелье мог послать такого человека в качестве посла. На всякий случай, герцог отошел в дальний угол комнаты, подальше от посетителя, и принялся изучать послание кардинала.

– Монтегю арестован? – возмутился он, прочитав письмо. – Черт возьми, да я даже не предполагал, что он в Париже! И потом, этот господин состоит на службе не у меня, а у английской королевы. Уверен, Ее Величество будет не в восторге, узнав, как Франция обошлась с ее секретарем.

Бутвиль только пожал плечами. Его совсем не интересовала судьба какого-то англичанина.

– Ну, хорошо, – вздохнул герцог. – Я сегодня увижусь с королевой и расскажу ей о предложении кардинала. У Вас есть еще письма?

– Да, к Ее Величеству.

– Дайте его мне.

Бутвиль усмехнулся.

– Это письмо, милорд, адресовано не Вам.

– Вы хотите увидеться с королевой?

– Я уверен, что Ее Величество захочет видеть меня. Вы, милорд, в этом убедитесь, когда сообщите ей о моем приезде.

Бэкингом сжал кулаки, испытывая жгучее желание проучить самоуверенного француза. Впрочем, граф де Бутвиль так действовал на всех окружающих.

– Хорошо, – герцог заставил себя говорить спокойно. – Я сейчас же поеду в Уайтхолл, а Вы останетесь здесь и отдохнете с дороги...

– Но я совершенно не устал! – запротестовал Бутвиль.

– Вы отдохнете, а мы с Ее Величеством обсудим предложение господина кардинала, потому что мне неизвестна судьба аббата Фанкана.

Милорд улыбался, но что-то в его взгляде подсказало графу, что спорить бесполезно.

– Хорошо, – сдался он. – Надеюсь, мое заточение продлится недолго?

– Вы – мой гость, а не узник, – любезно возразил Бэкингом.

Тем не менее, уезжая, герцог поручил Патрику не спускать глаз с подозрительного француза, а сам отправился к Генриетте Французской...

Через некоторое время, в Йорк-Хауз прибыл еще один посетитель – Джон Вилльерс, виконт Пурбек³³. Это был красивый и изящный молодой человек, который в силу своего

³³ Джон Вилльерс (1590–1657) виконт Пурбек – брат герцога Бэкингемского.

ума и природного обаяния мог бы сделать впечатляющую придворную карьеру, но, не желая утруждать себя лишними заботами, предпочитал вести праздную жизнь, пользуясь теми льготами, какие ему предоставляли родственные узы с всемогущим министром, который нежно любил своего брата.

Спешившись, виконт бросил поводья сопровождавшему его слуге, и легко взбежал по ступенькам герцогского дворца. Увидев господина Роджерсона, он приветственно пома- хал ему рукой.

– Патрик, Джордж у себя?

– Милорд герцог только что отбыл в Уайтхолл.

– Ах, черт возьми! Ну да ладно, подожду.

Чтобы как-то скрасить ожидание, Джон велел слугам принести бутылку вина, и, при- хватив ее с собой, вышел в сад, где, как раз, соскучившись сидеть взаперти, прогуливался граф де Бутвиль. Неугомонный забияка даже подпрыгнул от неожиданности, столкнувшись лицом к лицу с человеком, с которым как-то дрался на дуэли в Париже, и убить которого ему помешал тогда нестати появившийся патруль.

– Дьявольщина! – радостно протянул господин де Монморанси. – Милорд, Вы ли это? Право же, стоило посетить Англию хотя бы для того, чтобы иметь удовольствие встретиться с Вами.

– Неужели, это Вы, господин де Бутвиль? – тут же откликнулся виконт. – Вижу, Вы бегаєте лучше кардинальских гвардейцев, от которых умчались как заяц во время нашей последней встречи.

– К счастью, мы в Англии, и здесь нет ни гвардейцев, ни Ришелье с его эдиктами! – вспылil граф. – И, будьте уверены, сударь, на этот раз ничто мне не помешает проткнуть Вас насквозь. Вытаскивайте шпагу, и сейчас же!

У Джона и самого чесались руки проучить забияку, но, заметив господина Роджерсона, наблюдающего за ними, он недовольно поморщился:

– Сейчас сюда сбежится охрана. Право же, было бы удобнее где-то в Вестминстере...

– Вы трусите и хотите оттянуть время, – Бутвиль даже подпрыгивал от нетерпения, так ему хотелось проучить самоуверенного англичанина. – Повторяю: я весь к Вашим услу- гам.

– Хорошо, – вспыхнул виконт – пойдѐмте со мной.

* * *

Джон провел француза через ряд роскошно обставленных комнат дворца, и остано- вился, дойдя до оружейного зала, вход в который охраняли двое солдат.

– Входите, – он кивнул Монморанси, приглашая его войти. – И Вы, господа тоже.

Ничего не понявшие охранники все же выполнили его приказ. Пропустив всех внутрь, Джон вошел сам, и запер дверь на задвижку. Увидев впечатляющую коллекцию оружия, украшавшую стены, Бутвил, который сам держал дома открытый фехтовальный зал для всех желающих, одобрительно присвистнул.

– Можете выбрать себе любую из этих вещичек, – предложил виконт, указывая на рапиры с эфесами удивительно тонкой ювелирной работы.

– Благодарю Вас, – церемонно поклонился Бутвиль. – Меня вполне устроит моя боевая подруга.

Он любовно положил руку на эфес шпаги.

– Как Вам будет угодно, – согласился Джон. – А эти господа устроят Вас в качестве секундантов? – Он кивнул на солдат.

– Вполне, – согласился Франсуа.

Испуганные гвардейцы попробовали протестовать, но виконт велел им замолчать.

– Начнем? – обратился он к Бутвилю.

– Начнем, – согласился Франсуа.

Он отстегнул перевязь, сбросил камзол, развязал шнурки на рубашке, затем вытащил шпагу из ножен и отбросил их в сторону. То же проделал и Джон. Став в боевую позицию, дуэлянты осторожно скрестили шпаги, пробуя друг друга. Поскольку, оба были мастерами клинка, и, притом, многоопытными, дуэль обещала продлиться довольно долго. Де Бутвиль соскучился первым, и решил начать разговор.

– А Вы, милорд, чувствуете здесь себя вполне свободно.

– О чем это Вы? – не понял Джон.

– Вы хорошо знаете дом.

– Еще бы, – усмехнулся виконт, – он принадлежит моему брату.

– Черт возьми! – Бутвиль от неожиданности допустил ошибку, и, шпага противника чуть было не зацепила его. – Отчего Вы не сказали об этом раньше?

– Это что-то меняет?

– Думаю, Бэкингам будет не в восторге, когда вернется домой и застанет братца в весьма плачевном виде.

– Скорее гостя. Кстати, а что Вы сами делаете в Англии?

– Я – посланник кардинала де Ришелье.

– А?

Джон так удивился, что только чудо помешало Бутвилю проткнуть его насквозь.

– Но, если мне не изменяет память, – продолжил виконт, придя в себя, – раньше Вы не были сторонником кардинала?

– Я и теперь им не являюсь...

Глава 6: «Генриетта»

Когда Его светлость герцог Бэкингемский прибыл в Уайтхолл³⁴, в королевских покоях бушевала гроза. Король и королева Англии, не замечая придворных дам, которые перепугано забились в угол, выкрикивали друг другу в лицо такие оскорбления, что заставили бы покраснеть даже парижских рыбных торговцев, злоязычие которых вошло в пословицу. Поскольку, подобные сцены между августейшими супругами происходили часто, герцог несколько не удивился тому, что стал свидетелем одной из них.

– Разрази меня гром! – весело воскликнул он. – Видимо, мне придется вмешаться и развести Ваши Величества по разным углам.

И, схватив за руку упирающегося короля Англии, герцог действительно оттащил его в дальний угол комнаты.

Английских историков всегда поражала та непринужденность, вернее фамильярность, которую министр позволял себе в отношении английских монархов: сначала Джеймса, потом – Чарльза I. И сейчас Джордж Вилльерс повел себя точно так же.

– Ну, Ваше Величество, – успокоительно улыбнулся он королю. – Объясните мне, что тут происходит?

На этот раз ссора была вызвана недавней тайной женитьбой барона Мальтраверса из враждебного Бэкингеми клана Говардов на кухне короля Елизавете, дочери герцога Леннокса. Чарльз, который во всем поддерживал министра, узнав о свадьбе, пришел в ярость, и медовый месяц и новобрачному, и его тестю – графу Арунделу³⁵, пришлось проводить в Тауэре³⁶. Несчастливая невеста, заливаясь слезами, бросилась к королеве Англии, умоляя ее о заступничестве и покровительстве. Генриетту не слишком интересовала политическая подоплека этого дела, и она, как истинная женщина, тут же встала на сторону любви, и выговорила королю за его жестокосердие с таким жаром, что заставила содрогнуться даже вековые стены Уайтхолла.

Выслушав сбивчивые обвинения сторон, и приметив красные гневные пятна на щеках Генриетты, что свидетельствовали о том, что Ее Величество пребывает в крайне скверном расположении духа, Бэкингем, не желая связываться с женскими истериками, принял единственно верное решение в такой ситуации, и выпроводил Чарльза из покоев королевы.

– Стини!³⁷ – восклицал английский король, послушно следуя за министром, который тащил Его Величество за руку, словно провинившегося ребенка. – Я самый несчастный мужчина на свете! Ты сам видишь, как ОНА со мной обращается. Моих пожеланий и просьб ОНА не замечает, и когда мне что-нибудь от нее нужно, я вынужден обращаться за помощью к ее французской прислуге, иначе ОНА наверняка откажет!

– Это совершенно недопустимо, – машинально согласился Бэкингем, который как раз прокручивал в голове предстоящий разговор с королевой.

– Живя под одной крышей, мы с Генриеттой днями не видимся, а когда я все же навещаю ее, все заканчивается ссорой, – продолжал жаловаться Чарльз. – Проклятье! Мы ругаемся даже в постели.

³⁴ **Уайтхолльский дворец** был основной резиденцией английских королей в Лондоне с 1530 по 1698 год, когда он сгорел. На момент пожара во дворце насчитывалось свыше полутора тысяч помещений, что делало его самым большим дворцом во всей Европе.

³⁵ **Томас Говард, 21 граф Арундел** (7 июля 1585 – 4 октября 1646) – английский аристократ, обладатель одной из лучших художественных коллекций (более 700 полотен, собрания антической скульптуры и украшений, книг, рукописей) в Европе того времени.

³⁶ **Лондонский Тауэр** – крепость, государственная тюрьма Англии с 1190 г.

³⁷ Прозвище герцога Бэкингемского, намекавшее на его сходство с изображением святого Стефана.

Герцог остановился.

– Я бы посоветовал Вашему Величеству прекратить навещать королеву... особенно, в ее спальне. Тогда никаких ссор не будет.

– Ну..., – король явно сомневался.

– ...хотя бы на время, – подмигнул ему герцог. – Не видя Вас целую неделю, Ее Величество, конечно же, рассердится. Через две – соскучится, а через три – сама бросится Вам на шею.... Чарльз, поверь мне, так и будет! Я хорошо знаю женщин.

– Ох, Стины, и что бы я без тебя делал! – восхищенно заметил король.

– А еще я сам поговорю с королевой, и посоветую ей предупредительнее относиться к Вашему Величеству, – пообещал Бэкингем.

Несколько успокоенный этим обещанием Чарльз отправился к себе, а герцог поспешил к королеве.

* * *

Королева Генриетта была очаровательной молодой женщиной, чью красоту воспевали в своих стихах известнейшие поэты той эпохи. Лучшие живописцы с нескрываемым удовольствием изображали на своих портретах ее хрупкие черты – ангельски красивое лицо с белоснежной атласной кожей, горящими черными глазами, тонким носиком с небольшой горбинкой, и алыми чувственными губами. Маленький рост, который был единственным недостатком этого неземного создания, искупала точеная фигурка королевы, наполненная жизнью и кипучей энергией. Возвращение министра Генриетта встретила довольно мрачно, но, увидев любезную улыбку на лице Бэкингема, все же протянула ему руку для поцелуя.

– Вы арестовали несчастного барона, чтобы лишить его отца влияния при дворе? – хмуро спросила она.

– Напротив. Я сделал все от меня зависящее, чтобы убедить короля не совершать ошибку и не арестовывать депутатов во время парламентских слушаний.

Генриетта недоверчиво усмехнулась.

– Вся Англия знает о вражде между Вами и кланом Говардов, который возглавляет Арундел. Вы не могли придумать лучшего предлога, чтобы он него избавиться.

– У меня к этим господам так мало ненависти, что я даже отдал свою племянницу за одного из них, – язвительно усмехнулся Бэкингем. – Что же касается ареста, то король действительно оказал мне медвежью услугу. Ну, сами подумайте, зачем мне ссориться с парламентом? Особенно сейчас, когда решается вопрос о сборе новых налогов и выплате субсидий Кристиану Датскому³⁸ за его вступление в войну с Габсбургами³⁹. А теперь парламентарии, подстрекаемые Говардами, вопят на весь мир, обвиняя меня в произволе и нарушении их прав, так как закон защищает это сословие от арестов во время парламентских заседаний.

– Боже, как все сложно, – королева решила не спорить. – Хорошо, Вы меня убедили.

Герцог еще раз прикоснулся губами к ее ладони.

– Вы еще что-то хотели мне сказать? – Генриетта отняла руку, которую министр отпустил с видимым сожалением.

– Хотел показать вот это письмо. Его мне доставил сегодня утром посланец кардинала Ришелье.

³⁸ **Кристиан IV** (12 апреля 1577 – 28 февраля 1648) – король Дании и Норвегии с 4 апреля 1588 года, при котором датское государство достигло вершины своего могущества. Занимал престол 59 лет – дольше, чем кто-либо в датской истории.

³⁹ **Тридцатилетняя война** (1618–1648) – первый в истории Европы военный конфликт, затронувший в той или иной степени практически все европейские страны. Война началась как религиозное столкновение между протестантами и католиками Германии, но затем переросла в борьбу против гегемонии Габсбургов в Европе.

Бэкингом протянул королеве бумагу.

– Я вижу, кардинал решил, будто Вы причастны к похищению Фанкана, – усмехнулась Генриетта, прочитав первые строчки послания, но тут же возмущенно вскрикнула, когда дошла до места, где Ришелье сообщал об аресте Монтегю.

– Вы ведете со мной двойную игру, – заметил герцог, который внимательно наблюдал за ней. – Что, черт возьми, Монтегю делает в Париже?

– Уолтер отправился во Францию, чтобы предупредить Шевретту о том, что шпионы Ришелье вышли на след депутата Лапьерра. – ответила Генриетта.

Милорд вскочил на ноги, словно ошпаренный кипятком.

– А почему я узнаю об этом только сейчас?

– Герцог, я не обязана отчитываться перед Вами в своих действиях. Вы, кажется, тоже не советовались со мной, когда решили воевать с Францией?

Бэкингом нервно прошелся по комнате.

– И когда Вы перестанете видеть во мне врага? – вздохнул он, остановившись напротив королевы. – Ладно, не будем об этом. Монтегю служит Вам, так что Вашему Величеству и решать его судьбу. Относительно аббата Фанкана, я уже высказывал Вашему Величеству свое мнение. И если этот человек мертв...

– Он жив, – неохотно ответила королева. – Де Молина согласился предоставить его в Ваше распоряжение.

– Что ж, – просиял герцог. – Тем лучше для нас и для господина Монтегю. Кстати, у посланца Ришелье есть еще одно письмо, адресованное Вашему Величеству.

– Вот как? – удивилась королева. – И что в этом письме?

– Оно осталось у графа де Бутвиля. Этот наглец заверил меня, что Ваше Величество будет рада встрече с ним.

– Бутвиль? Бутвиль – посланец кардинала? Этого не может быть! – воскликнула Генриетта. – Но, в любом случае, я буду рада его видеть.

Бэкингом поморщился, почувствовав осязаемый укол ревности.

– Привести его сюда?

Генриетта задумалась.

– Это не совсем удобно, – неуверенно проговорила она. – Послушайте, милорд, а нельзя ли устроить нашу встречу в Вашем дворце?

– Моя прекрасная королева, мой дом и я сам всегда к услугам Вашего Величества...

* * *

Когда Генриетта и Бэкингом прибыли в Йорк-Хауз, им навстречу выбежал взволнованный Патрик.

– Ваша Светлость, это...о, Ваше Величество... это ужасно! Француз и виконт Пурбек заперлись в оружейном зале, и дерутся на дуэли!

– Ну, в таком случае, дела француза плохи, – усмехнулся герцог.

– Вы хотели сказать, что дела Вашего брата хуже некуда, – взволнованно произнесла королева. – Да будет Вам известно, Бутвиль – первая шпага французского двора.

– И, правда, – встревожился Бэкингом. – Ну, если с Джоном что-то случится, я уничтожу этого Бутвиля.

По направлению к залу, милорд шел так быстро, что королева и Патрик еле поспевали за ним. Бедный секретарь чуть не рвал на себе волосы.

– Я пытался их уговорить отпереть дверь, но виконт крикнул, чтобы я не вмешивался не в свое дело!

– Нужно было взломать дверь, – заметила королева.

– О, Ваше Величество, я хотел, но этот французский монстр предупредил, что убьет всякого, кто попытается войти. К тому же дверь очень крепкая!

Бэкингом первым добежал до оружейного зала и неистово забарабанил в дверь, пытаясь перекричать грохот оружия:

– Джон, ты что, с ума сошел? Немедленно открой!

– Не раньше, чем я проткну это негодяя, – пробормотал виконт, который с большим трудом отбивался от яростной атаки француза.

– Ну– ну, – не остался в долгу Бутвиль, – сейчас мы увидим, кто кого проткнет!

Генриетта попыталась вмешаться, но дуэлянты ее попросту не слышали.

– Ломайте дверь! – приказал герцог слугам, что прибежали на шум битвы. – Быстрее, лентяи!

Те дружно навалились на дверь, но она была из крепкого дуба, так что предстояло повозиться.

– Несите топоры! – велел Бэкингом. – Ох, доберусь я до этого француза!

Но подручные средства не понадобились, так как солдаты, которые против своей воли оказались секундантами на странном поединке, услышав голос герцога, наконец, пришли в себя, и открыли задвижку.

Увидев брата и королеву, Джон опустил шпагу. Бутвиль, узнав Генриетту, выронил свою,

и та со звоном упала на пол.

– Что тут происходит? – грозно спросила королева.

– Да ничего особенного, – весело откликнулся виконт. – Я попросил графа преподать мне урок фехтования, и он любезно согласился оказать мне эту услугу. Патрик, я вижу, Вы, как всегда, сумели поднять бурю в бокале воды.

Бедняга Роджерсон покраснел, как вареный рак, и беспомощно оглянулся на Бэкингема.

Герцог как раз поднял с пола шпагу Бутвиля и многозначительно усмехнулся, осторожно коснувшись остро отточенного лезвия.

– Пришлось пойти на риск, – притворно вздохнул Джон, перехватив его взгляд. – Фехтовальных рапир здесь нет.

Генриетта недоверчиво оглядела стены, увешанные великолепной коллекцией оружия, и повернулась к Бутвилю. Тот уже окончательно пришел в себя.

– Я вижу, господин граф, Вы нисколько не изменились, – вздохнула королева.

– А Вы стали еще прекраснее, Ваше Величество, – восторженно вздохнул Франсуа, пожирая ее глазами. – О, моя королева! Неужели, я вижу Вас, говорю с Вами?

Генриетта немного смутилась.

– Герцог сообщил мне, будто Вы сделались кардиналистом? – поинтересовалась она.

– Я бы еще и не на такое пошел, лишь бы увидеть Вас.

Бэкингом с силой сжал рукоятку шпаги. Он бы и сам с радостью вызвал на дуэль этого француза. Джон, заметив выражение лица брата, успокоительно похлопал его по плечу. Ни Генриетта, ни Бутвиль ничего не заметили.

Генриетта посмотрела в окно, и, убедившись в том, что погода не испортилась, предложила Бутвилю прогуляться. Нечего и говорить о том, что предложение было с готовностью принято.

– Франсуа, как Вы попали на службу к Ришелье? – спросила Генриетта, когда они вдвоем с графом прогуливались по аллеям парка.

Выслушав его рассказ и прочитав письмо от кардинала, она глубоко задумалась. У нее не было сомнений, что Ришелье искренен в своем стремлении сохранить мир с Англией,

и лучшим тому подтверждением был «крестовый поход», который готовил Его Преосвященство против протестантов Лангедока и Ла-Рошели.

– Кардинал понимает, что, вступив в войну, Англия неминуемо поддержит гугенотское восстание. Поэтому, и взывает к моим патриотическим чувствам, заклиная убедить короля, что французы хотят мира с англичанами, – задумчиво произнесла она.

– Я ничего не понимаю в политике, – откликнулся Бутвиль. – И любым переговорам предпочту хорошую драку. А если война поможет мне еще хот раз увидаться с Вами, то я хочу этой войны!

– Это вряд ли, Франсуа, – улыбнулась Генриетта.

Господин де Монморанси глубоко вздохнул.

– Кардинал еще говорил о каком-то монахе.

– Я не знаю, о ком идет речь, – быстро ответила Генриетта. – И знать не хочу! Что же касается господина Монтегю, то я прошу Вас сообщить кардиналу: если хоть волос упадет из головы моего секретаря, то в моем лице он найдет врага, а не союзника. Я сама напишу об этом Ришелье, – улыбнулась она, заметив обеспокоенное выражение лица Бутвиля.

– Так будет лучше, – согласился Франсуа. – Я могу что-то забыть или перепутать.

Генриетта протянула ему руку, которую тот нежно поцеловал.

– О, Господи, как же я завидую англичанам, – прошептал он. – Им досталась такая прекрасная королева.

В его голосе звучала такая тоска, что Генриетта не выдержала и провела рукой по склоненной голове графа. Ей не следовало этого делать, потому что Франсуа, задыхаясь от избытка чувств, схватил ее руку и покрыл ее множеством поцелуев.

Бэкингом, наблюдавший эту сцену из окна, нервно забарабанил пальцами по стеклу. Виконт Пурбек, стоявший рядом с ним, усмехнулся. Видно было, что брат, который только что прочитал ему длинную нотацию насчет безответственного поведения, полностью разделяет его неприязнь к французам.

– Так чем я обязан твоему визиту? – не поворачивая головы, поинтересовался герцог.

– Все еще сердишься? – понимающе усмехнулся Джон. – Тогда держись, потому что я собираюсь совсем тебя разозлить.

Эти слова заставили Бэкингема оставить в покое королеву и Бутвиля, и решительно повернуться к брату.

– Говори, – потребовал он.

– Я хотел тебе сказать, что собираюсь жениться на Элените.

Элен, баронесса де Сент-Люс была доверенной придворной дамой и ближайшей подругой Генриетты Французской. Несмотря на благородное происхождение, девушка была бедна, и, поэтому, не могла составить достойную партию для брата могущественнейшего человека в стране. Бэкингом всегда относился к баронессе с удивительной нежностью, поэтому, в ответ на заявление брата только вздохнул:

– Этот брак не сулит нашей семье никаких политических выгод. Но я не стану тебе мешать. Женись, если хочешь. Странно, что ты вообще решил поинтересоваться моим мнением.

– Если честно, мне оно безразлично, – улыбнулся Джон. – И я к тебе пришел за помощью, а не за советом.

– Даже так? Ну, и чем же я могу тебе помочь?

Барон глубоко вздохнул.

– Дело все в том, – осипшим от волнения голосом проговорил он. – Что я уже женат.

Бэкингом изменился в лице. Он внимательно посмотрел на брата, думая, что тот шутит, но тот, увы, был совершенно серьезен.

– Ну, и кто же моя невестка? – Джордж старался говорить спокойно, но это ему плохо удавалось.

– Френсис Кок.

– Дочь бывшего главного королевского судьи⁴⁰! Да как ты посмел? Как скрыл это от меня?

– Послушай, – быстро заговорил Джон, надеясь успокоить надвигающуюся бурю. – Я был горяч и влюблен. И когда ее мать, леди Хаттон заявила, что не отдаст за меня Френсис, мы решили тайно обручиться и обменяться клятвами верности. Я был лишком взволнован... священник, к которому мы обратились, пьян... Словом, он перепутал свадебный обряд с церемонией обручения, и обвенчал нас так быстро, что я даже не успел понять, что случилось. С Френсис мы расстались, ты сам знаешь, при каких обстоятельствах..., и я и думать забыл обо всей этой истории. Черт возьми, да я был уверен, что тайный брак не имеет силы! И, представь себе мое отчаяние, когда мой духовник, которому я рассказал всю эту историю, сообщил мне, что это не так.

– То есть, – медленно произнес Бэкингом, – ты хочешь сказать, что в то время, как я донимал покойного короля требованиями добиться от родителей леди Френсис согласия на свадьбу, вы в это время уже были женаты?

– Получается, что так, – подтвердил Джон.

Бэкингом театрально возвел руки к небу.

– Господи! – патетически воскликнул он. – За какие грехи ты решил наградить меня таким родственником?

– Не расстраивайся, Джордж, – успокоительно заметил Джон. – Не всем же должно везти так, как мне. Лично я своим братом очень доволен.

Джордж, как не старался, но так и сумел сдержать улыбку.

– Ну, и чего же ты хочешь от меня? – уже спокойнее спросил он.

– Чтобы ты поговорил с епископом Кентерберийским⁴¹. Он должен подтвердить, что брак незаконен или же, в крайнем случае, дать разрешение на развод.

– Не сейчас, – ответил министр. – Развод всегда дурно пахнет, особенно теперь, во время разгара парламентских слушаний. Наберись терпения, Джон. Твоя красавица баронесса от тебя не уйдет.

Виконт Пурбек покраснел от злости.

– О, я понимаю! Ты хочешь затянуть дело, чтобы расстроить мою помолвку с Эленитой. Но ничего у тебя не выйдет. Я обращусь к Ее Величеству и...

– ...и сообщишь королеве, что у тебя уже есть законная супруга? – усмехнулся герцог.

Джон хотел что-то сказать, но, не найдя нужных слов, что было сил ударил кулаком по столу, и выбежал из комнаты, громко хлопнув дверью.

– Не забывай о Тайберне⁴²! – крикнул ему вслед Бэкингом. – Английские законы беспощадны к двоеженцам!

Получив в ответ несколько крепких ругательств, герцог снова повернулся к окну. Увидев, с какой нежностью Бутвиль сжимает ручку Генриетты, он заскрежетал зубами, и, схватив со стола колокольчик, бешено затряс его.

– Патрик, сообщи Ее Величеству, что мне необходимо немедленно поговорить с ней, – велел он господину Роджерсону, который примчался на его зов. – И, ради всего святого, займи чем-нибудь этого француза...ну, хотя бы ужином или прогулкой в мой винный

⁴⁰ **Кок, Эдуард** (1552–1634) – английский политический деятель и юрист, занимавший ряд высших судебных должностей, один из авторов "Петиции о праве"

⁴¹ **Архиепископ Кентерберийский** – духовный глава Англиканской церкви.

⁴² **Тайберн** – деревня в графстве Миддлсекс, которая с 1196 по 1783 года являлась официальным местом проведения казней осужденных города Лондона.

погреб... там есть великолепная мальвазия. Пусть наш гость упьется так, чтобы не попался мне на глаза до самого своего отъезда, который я постараюсь ускорить.

Видно было, что господин Роджерсон был не в восторге от такого поручения. Он громко вздохнул, но поплелся выполнять приказ.

Глава 7: «Опасные игры»

Настоятель собора Сен-Жермен Л'Оксеруа – аббат Фанкан был одним из ближайших друзей кардинала Ришелье и одним из талантливейших французских дипломатов XVII века. К своему несчастью, он настолько уверовал в собственную неуязвимость, что, будучи членом иезуитского ордена, дал себя завербовать могущественной протестантской организации – «Черные капюшоны» и жестоко за это поплатился. Великий магистр «Молчаливых» (так еще называли членов этой организации) – Эрнандо де Молина приказал доставить предателя в Лондон, чтобы примерно наказать его за отступничество.

Мы уже знаем, какой эффект произвело похищение Фанкана на Ришелье и отца Жозефа, которые, не догадываясь о двойной игре своего агента, подозревали Бэкингема в его исчезновении. Между тем, сам герцог, желая использовать доверенное лицо кардинала в своих тайных планах, не только добился, чтобы Фанкану сохранили жизнь, но и собирался отправить его обратно в Париж.

– Я принял решение отпустить Фанкана во Францию, – такими словами встретил Бэкингом Генриетту, когда она вернулась с прогулки. – Но ни о каком обмене не может быть и речи! Ришелье незачем знать, что аббат встречался со мной.

– Я тоже так думаю, – согласилась Генриетта. – Но как мы объясним кардиналу его длительное отсутствие?

– А это уже не наша забота. Думаю, священник сам придумает достойное оправдание своему исчезновению. Не в его интересах рассказывать Его Высокопреосвященству о своей связи с «Молчаливыми».

– Хорошо. Но Вы, милорд, так и не признались мне, зачем Вам понадобился господин Фанкан.

– Все мое время, моя прекрасная королева. Ну, а зачем Вы понадобились кардиналу? Генриетта усмехнулась.

– Ришелье желает любой ценой сохранить мир с Англией. И поскольку, заговор против кардинала, на который мы с Вами так уповали, по всей видимости, потерпел поражение, я думаю, нам следует принять предложение Его Преосвященства.

– Черт возьми, да я и сам желаю сохранить мир! – воскликнул герцог. – Хотя бы потому, что денег на войну придется просить у парламента, который, по своему обыкновению, наверняка, откажет мне в этой просьбе. И если кардинал оставит в покое ларошельцев, вернет захваченные английские корабли, перестанет заигрывать с Испанией, и присоединиться к нашему союзу с датчанами и Соединенными Провинциями, чтобы вернуть Пфальц Фридриху, мужу Елизаветы Стюарт...

– Я, надеюсь, милорд, Вы повремените с обнародованием этих требований, хотя бы до тех пор, пока лорд Монтегю не вернется в Англию? – перебила его Генриетта, для которой желание министра и дальше следовать своей военной политике было очевидным.

– Разумеется, – кивнул герцог. – Кстати, я бы не настаивал на возвращении сэра Уолтера сейчас, когда еще есть надежда все же исполнить задуманное Шевреттой. Монтегю один стоит десяти человек, а его ум воистину бесценен.

Генриетта молча кивнула.

– А если Уолтеру не удастся помочь Шевретте свалить Ришелье? – спросила она.

– Тогда и придет черед действовать господину аббату, – ответил герцог. – Когда в 1624 году я уговаривал покойного короля Джеймса воевать с испанцами, я не собирался сражаться с Габсбургами только своими силами. Я рассчитывал сколотить антииспанскую коалицию. Англия, Соединенные Провинции, Дания, Швеция, Саксония, протестантские княжества Германии должны были выступить против австрийского императора и Баварии,

тогда как Франция, Савойя и Венеция повели бы в Италии действия против Испании. И если бы мне это удалось, мы бы не только вернули Пфальц Елизавете Стюарт⁴³ и ее мужу, чешскому королю, но и, что гораздо важнее, мы бы прижали Испанию на море, освободив себе путь к сокровищам ее колоний.

– Да, Вы уже говорили мне это, – зевнула королева.

В отсутствие лорда Монтегю ей не хотелось говорить о политике, но Бэкингем, как назло, был настроен говорить о ней именно здесь и сейчас.

– К сожалению, – продолжил герцог, – Шведы сейчас заняты в войне с Польшей...

– К счастью, милорд, потому что католическая Польша неминуемо пришла бы на помощь императору, – возразила Генриетта, вовремя вспомнив уроки Уолтера.

– Да, правда... А Саксония всеми силами держится за хрупкий мир с Габсбургами, не понимая, что довольно малейшего дуновения ветра, чтобы на ее территории вспыхнул пожар войны... Но Франция! Франция, на союз с которой я так рассчитывал, что убедил короля жениться на католической принцессе, подставив под удар собственную политическую репутацию, Франция не только отказалась присоединиться к антииспанской коалиции, она заключила с Габсбургами союз, который я собираюсь разрушить...

–...заключив мир с Испанией за спинами наших протестантских союзников, – кивнула Генриетта. – Вы тоже говорили мне об этом, милорд.

– Это было еще до того, как я познакомился с Фанканом, – возразил Бэкингем. – Господин аббат готов поспособствовать присоединению Франции к нашему союзу с Соединенными провинциями и Данией. Словом, сейчас дело обстоит так: либо Шевретта доводит свой план до конца и проклятый кардинал отправляется к дьяволу, либо он останется жив, и будет воевать с Габсбургами вместе с нами, чего я, Мадам, желаю всей душой.

– А если Ришелье останется жив, но не станет слушать Фанкана? – не сдавалась Генриетта.

– Тогда, придется уважить волю парламента и дать Англии мир, заключив союз с Испанией. Но, пока что, Мадам, я прошу Вас быть посредником между Ришелье и мной.

– Я вся Ваша, милорд, – улыбнулась королева. – Но почему Вы думаете, что католический священник захочет служить Вам, протестанту?

– Служил же он «Молчаливым»! – возразил Бэкингем. – В любом случае, я буду знать, что в окружении Ришелье есть человек, на которого я могу оказывать влияние. Вы сами видите, что живой Фанкан нам полезнее, чем мертвый.

– Аминь, – вздохнула Генриетта. – Так что я должна сделать?

– Вы должны заверить Ришелье, что Англия не будет воевать с Францией. Для пущей убедительности, я прекращу переписываться с ларошельцами и перестану принимать принца Субиза⁴⁴, который, как Вы знаете, скрывается в Англии от гнева французского короля. Если кардинал не поверит Вашему письму, донесения шпионов, которых полно и среди гугенотов, и даже при английском дворе, убедят его в нашей искренности.

– И каких же шпионов Ваша светлость имеет в виду? – прищурилась королева, понимая, что этот упрек относиться к ней.

И оказалась права.

⁴³ **Елизавета Стюарт** (19 августа 1596 – 13 февраля 1662) – англо-шотландская принцесса из рода Стюартов, старшая дочь короля Джеймса I и его жены Анны Датской, сестра Чарльза I. В 1613 году Елизавета Стюарт вышла замуж за курфюрста Пфальца Фридриха V, лидера Евангелической унии немецких протестантских князей.

⁴⁴ **Бенжамен де Роан**, барон де Фронтенэ (1583–1642) носил титул принца де Субиза. Был одним из предводителей гугенотов во Франции.

– Епископа Мандского⁴⁵, разумеется, – тут же ответил Бэкингом, который получил эти сведения от самого Фанкана. – И францисканских монахов⁴⁶, которых Вы привезли с собою в Англию.

– Герцог, если Вы хоть пальцем тронете священника, пеняйте на себя, – разозлилась королева. – Я не потерплю, чтобы невинный человек пострадал из-за Ваших пуританских убеждений!

Министр вознес руки к небу.

– Мадам, будьте справедливы, – взмолился он. – Кто-кто, а я меньше всего заинтересован в преследовании католиков, хотя бы потому, что моя собственная мать исповедует эту религию. Но Ваш епископ – родственник Ришелье. Вам это известно?

– Дальний родственник. Милорд, я промолчала, когда Вы выслали из Англии моих придворных дам, но изгнать епископа я Вам не позволю!

– Кто знает, – про себя усмехнулся герцог. – Не будем ссориться, моя прекрасная королева, – произнес он вслух. – Сейчас мы как никогда должны действовать вместе.

– Почему?

– Да потому что если Франция в ближайшее время не придет на помощь Кристиану Датскому, который изнемогает под могучими ударами армий Тилле⁴⁷ и Валленштейна, то король Филипп будет управлять всей Европой. Я созвал парламент с целью вытребовать хоть немного средств на помощь датчанам, но, боюсь, что господа парламентарии не так хорошо разбираются в политике, как мы с Вами.

Герцог чарующе улыбнулся и развел руками, всем своим видом показывая, насколько малы его надежды договориться с депутатами. Генриетта молчала. В таких делах она привыкла полагаться на советы господина Монтегю, но тот, увы, был во Франции.

– Уолтер, где ты? – мысленно взмолилась она. – Если бы ты знал, как мне тебя не хватает...

Но секретарь, по понятным причинам, ответить ей никак не мог, а Бэкингом нетерпеливо ждал ответа.

– Я все сделаю, – наконец, произнесла королева. – Но дайте мне слово, что епископ не станет заложником Вашей политики.

– Даю, – неохотно кивнул герцог. – Но, ради всего святого, поторопитесь с письмом, пока Ваш французский друг совсем не разгромил мой дворец.

– Я присмотрю за Бутвилем, – улыбнулась Генриетта. – Мне необходимо дать графу некоторые инструкции насчет его поведения во Франции. И потом, в отличие от Вас, меня все же заботит судьба лорда Монтегю!

– Я предоставлю позаботиться об Уолтере королю Чарльзу, – решил Бэкингом. – Пришла пора и нашему послу во Франции доказать, что он недаром получает свое жалованье и немислимые представительские расходы.

Успокоенная его обещанием, королева ушла. Ей действительно еще о многом нужно было поговорить с Бутвилем. Бэкингом хотел последовать за ней, но ему доложили о визите королевского секретаря – лорда Коттингтона⁴⁸. Этот человек пользовался полным доверием герцога и постоянно снабжал милорда полезной информацией о жизни королевского двора. А чтобы о двойной службе Коттингтона не догадались те лица, за которыми он наблюдал,

⁴⁵ Даниэль де Ламотт-Уданкур, епископ Мандский (ум. 1628 г.)

⁴⁶ Францисканцы – католический нищенствующий монашеский орден, основан св. Франциском Ассизским близ Сполето в 1208 году с целью проповеди в народе апостольской бедности, аскетизма, любви к ближнему.

⁴⁷ Иоганн Церклас граф фон Тилли (февраль 1559 – 30 апреля 1632) – имперский фельдмаршал, знаменитый полководец Тридцатилетней войны, одержавший ряд важных побед.

⁴⁸ Фрэнсис Коттингтон (1579–1652) – секретарь Чарльза I, член Тайного Совета, лорд – казначей (с марта 1629 г.), лидер «испанской» партии при дворе Чарльза I.

министр часто поручал своему агенту покупать для него драгоценности и прочие милые безделушки, так как секретарь, к счастью, обладал хорошим вкусом, и слыл при дворе ценителем прекрасного.

Вот и сегодня Коттингтон, войдя в кабинет, протянул герцогу мешочек с четырьмя крупными сапфирами-близнецами, которые приобрел для него у лондонских ювелиров. Бэкингом осмотрел камни и не нашел в них ни одного изъяна.

– Великолепно, – признал он. – Милорд, Вы как всегда, совершили невозможное.

Покупка этих камней была частью грандиозного замысла герцога, на который он возлагал большие надежды. Дело было в том, что Амур пробил своей стрелой грудь английского Дон Жуана, но забыл проделать ту же процедуру с сердцем гордой красавицы Генриетты Французской. Герцог Бэкингемский никогда не отступал перед ударами судьбы, так что решил исправить это досадное недоразумение, поразив воображение любимой женщины восхитительным подарком...

Но с приходом королевского секретаря мысли министра изменили свою романтическую окраску. Поэтому, еще раз полюбовавшись великолепной огранкой камней, Бэкингом вернул камни Коттингтону, и, приказав отдать драгоценности своему ювелиру, вернулся к обсуждению политических дел. Выслушав последние дворцовые сплетни, министр уже собирался отпустить секретаря, как вдруг неожиданная мысль пришла ему в голову.

– Коттингтон! – радостно воскликнул он, хлопнув себя по лбу. – Выберите подходящий момент и сообщите Его Величеству, что епископ Мандский внушает королеве, что та губит свою бессмертную душу, разделяя постель с еретиком. Мне пришлось дать слово Ее Величеству, что я не буду преследовать этого кардинальского шпиона, но, к счастью, король такого слова не давал!

Глава 8: «Новые подвиги Бутвиля».

Поручив графа де Бутвиля заботам английской королевы и своего секретаря, Бэкингема, он решил, что теперь может забыть о наглом французе. Но господин Монморанси не желал, чтобы о нем забывали. Поэтому, он с радостью принял предложение виконта Пурбека о новой встрече, которая бы позволила закончить их небольшую размолвку.

Во избежание неприятностей со стороны Патрика, дуэль должна была состояться в Вестминстере. Джон пригласил секундантом небезызвестного Генри Рича, графа Холланда⁴⁹, а Бутвиль – француза де Мюссо, лейтенант гвардии Ее Величества, которого он знал еще с тех пор, как сам являлся телохранителем Генриетты, тогда еще французской принцессы. Прибыв в Лондон, господин Монморанси конечно же воспользовался случаем повидаться со старыми друзьями, служившими сейчас в королевской гвардии. Встреча состоялась как раз накануне поединка и окончилась грандиозной попойкой, из-за которой на следующее утро Мюссо не смогли разбудить.

– Ну, что же, – сказал шевалье де Бри, – который был посвящен в детали предстоящей дуэли наравне со всеми французскими гвардейцами (Бутвиль не отличался скромностью), и к тому же оказался самым трезвым, – придется мне его заменить.

И, опоздав всего на десять минут, он прибыл на назначенное место, которое оказалось пустырем за руинами какого-то склепа. Виконт Пурбек, граф Холланд и де Бутвиль уже были там.

– А какого дьявола ты здесь делаешь? – удивился Монморанси, увидев его. – Где Мюссо?

– Спит, – пожал плечами новоявленный секундант, – Я за него. Драться будем или как?

Последняя фраза относилась к Холланду, который вытаращил глаза от удивления, не зная, что ответить.

– Понятно, – с досадой произнес де Бри, – не стоило и беспокоиться. Мириться будете? Это уже относилось к Джону Вилльерсу.

– Нет, – со злостью, ответил тот.

– Тогда начинайте.

Он отошел в сторону, освобождая место дуэлянтам. Генри Рич внимательно осмотрелся вокруг, и, не заметив среди развалин ничего примечательного, со вздохом последовал его примеру.

Как мы уже заметили, граф Холланд был благоразумным молодым человеком, чье положение при дворе целиком зависело от расположения первого министра, поскольку король по известным ему причинам терпеть не мог бывшего фаворита своего отца. Устраивая брак Генриетты Французской с Чарльзом Английским, граф долгое время жил при французском дворе, где гремела дуэльная слава Бутвиля, и, в отличие от виконта Пурбека, не был склонен недооценивать опасного француза. Поэтому, не имея возможности уклониться от участия в дуэли, он решил предупредить о ней герцога Бэкингемского, отправив ему записку, извещающую о новом сумасбродстве брата.

Но из-за крайней занятости, герцог вскрыл письмо только сегодня утром еще лежа в постели. Посмотрев на часы, он тут же вскочил на ноги и бешено затряс шнурок звонка. Роджерсон, словно верный пес, тот час же явился на зов хозяина.

– Патрик! – заорал герцог. – Где француз?

⁴⁹ **Генри Рич, граф Холланд**, (19.8.1590 – 9.3.1649), сын Роберта Рича, графа Уорвика. Придворную карьеру начал еще в 1610-ом году при короле Джеймсе I-ом Английском, быстро став его фаворитом. Принимал участие в переговорах касательно женитьбы Чарльза I-го на Генриетте Французской.

– Уехал четверть часа назад, – хлопая глазами, ответил секретарь. – Я не стал его удерживать, поскольку Вы, милорд, ясно дали мне понять, что не желаете видеть этого человека.

Проклиная Бутвиля на чем свет стоит, Бэкингом, наскоро одевшись, вскочил на коня и во весь опор поскакал к месту дуэли.

* * *

А в это время в казармах Уайт-холла проснулся Рене де Мюссо. Он долго протирал глаза, потом столько же вглядывался в стрелки часов, и, наконец, осушив полбутылки шампанского, наконец-то вспомнил о дуэли. Почему-то решив, что без него не начнут, он наскоро оделся и, сломя голову, помчался к конюшням за лошадью. Вскочив на нее, он поскакал к Вестминстерскому аббатству, и, поручив коня заботам первого встречного, бросился по направлению к пустырю. Если бы господин гвардеец передвигался с нормальной скоростью, то, возможно, и не было бы тех печальных событий, что произошли впоследствии. Как бы то ни было, но, решив сократить себе путь, он, пересекая одну из галерей собора, столкнулся с герцогом Бэкингом, который прибыл туда одновременно с ним, при чем толкнул его так, что министр, потеряв равновесие, приземлился прямо на спину. Всякий бы вежливый человек остановился, чтобы помочь потерпевшему, но только не господин де Мюссо. Испугавшись собственной безрассудности, наш герой, пробормотав что-то больше напоминавшее проклятия, чем извинения, устремился прямо к своей цели. Возмущенному герцогу понадобилось некоторое время, чтобы подняться, а, проделав эту операцию, он, растолкав толпу зевак, собравшихся, чтобы поглазеть на забавное зрелище, бросился догонять обидчика.

Мюссо он настиг уже у калитки, ведущей в хозяйственную часть аббатства. Не долго думая, министр рывком развернул обидчика и по всем правилам кулачного боя, двинул его в челюсть, так, что тот, отлетев на приличное расстояние, врезался головой о стену. Но и этого разъяренному герцогу показалось мало. Не давая гвардейцу опомниться, он поднял его на ноги, и отмерил еще пару ударов. Получив последний, несчастный де Мюссо, отступая, налетел на ограду, и так неудачно, что железные прутья пронзили его насквозь.

– Убийство! – завопил какой-то молодой священник, и этот крик подхватила собравшаяся толпа.

Бэкингом застыл в оцепенении, глядя на корчившегося в агонии француза. В сознание его привел голос молодого солдата, который со своими товарищами прибежал, услышав крики.

– Я вынужден арестовать Вас, сударь, – решительно произнес он.

Герцог усмехнулся.

– Вы, что же, не узнаете меня? – мрачно поинтересовался он.

Юноша оглянулся на своих товарищей и все дружно пожали плечами.

– Шотландцы, – догадался министр, узнав форму солдат одного из королевских полков, которые, в связи с недавними беспорядками в столице, должны были патрулировать улицы.

Оглянувшись на внушительную толпу, которая, сжав кулаки, ожидала решения стражей порядка, Бэкингом, желая избежать огласки, принял решение не сопротивляться. В это время часы на большой башне принялись бить десять часов утра.

– Я последую за Вами, – кивнул министр. – Но Вы должны немедленно отослать патруль к склепу Трех Святых. Там сейчас дерутся на дуэли мои товарищи. Арестуйте их всех и доставьте в Тауэр.

– Мы не обязаны подчиняться Вашим приказаниям, сударь, – возмутился стражник, но, увидев, как нахмурился арестованный, в котором за милую душу можно было признать большого

вельможу, согласно кивнул головой. Но, не желая терять лицо, тут же добавил: Я сделаю это только потому, что Ваши друзья нарушают закон и мой долг воспрепятствовать им.

Он сделал знак пятерым товарищам и те тот час же направились к указанному месту.

Бэкингом улыбнулся, и, прикрыв лицо плащом от посторонних любопытных глаз, последовал за оставшимися солдатами.

* * *

А тем временем события на Вестминстерском пустыре развивались несколько странно.

Де Бутвилю удалось оцарапать плечо виконта, что несколько сбilo с него спесь. Но, не желая признавать поражение, Джон продолжил поединок, удвоив осторожность. Дуэль явно затягивалась.

Секунданты стояли в стороне, и уже добрых двадцать минут переминались с ноги на ногу.

– Может, разомнемся? – де Бри звякнул шпагой, но, увидев ужас в глазах Холланда, с досадой махнул рукой.

Генри Рич с надеждой оглянулся вокруг. На этот раз Небо слышало его молитвы: он заметил патруль, посланный Бэкингом, который решительно направлялся к ним.

– Вы арестованы, – сообщил всем командир патруля, – дуэли запрещены. Отдайте Ваши шпаги и следуйте за нами!

Солдат было пять человек, при чем четверо их них сразу же взяли на прицел всех участников дуэли. Бутвиль с досадой опустил шпагу.

– И Вы еще жаловались на французское гостеприимство, – упрекнул он растерянного виконта, который совсем не ожидал такого поворота событий. – Впрочем, их же всего пятеро...

– А нас только трое, – ответил Джон, потому что Холланд, показывая добрый пример, поспешил отдать свою шпагу....

Арестованных доставили в Тауэр, где их, из-за отсутствия начальства, встретил дежурный лейтенант. У него до сих пор тряслись руки после разговора с Бэкингом, который, дождавшись ухода шотландских гвардейцев, сообщил лейтенанту свое имя. К несчастью, тот недавно приобрел офицерский патент, и был слишком скверным физиономистом, чтобы поверить милорду на слово. Но, узнав об аресте четырех придворных кавалеров, которые собирались драться на дуэли, обрадовался, полагая, что те, лучше него знают сильных мира сего, и выведут на чистую воду самозванца, без сомнения, прикрывающегося именем первого министра, чтобы избежать тюремного заключения. Поэтому, он сразу же распорядился ввести арестованных в помещение, где находился герцог.

Увидев брата, Джон сразу понял, кому он обязан своей прогулкой в тюрьму, и не замедлил высказать ему благодарность, на которую Бэкингом ответил в столь же сильных выражениях, которые мы, в силу своей излишней скромности, не решаемся привести на страницах этой книги. Эту семейную идиллию перебил сухой слуга закона, который громко постучал по столу, призывая к арестованным к порядку.

– Ваше имя, сударь? – обратился он к Джону.

– Джон Вилльерс виконт Пурбек, – ответил тот.

Лейтенант записал это имя в книгу, лежащую перед ним.

– А Ваше? – повернулся он к Бутвилю.

Ему пришлось повторить вопрос, потому что забияка очень заинтересовался средневековыми доспехами, расставленными по углам комнаты.

– Франсуа Монморанси граф де Бутвиль, – спохватился Бутвиль.

– А Вы?

– Шевалье де Бри, лейтенант гвардии Ее Величества, – представился гвардеец.

– А я Генри Рич, граф Холланд, – назвал себя последний арестованный, не дожидаясь вопроса.

Записав их имена, лейтенант откашлялся и обратился к Холланду, чья располагающая внешность, по его мнению, наиболее заслуживала доверия.

– Тогда, быть может, Вы, милорд, скажете мне, кто этот человек? – проговорил он, указывая на Бэкингема.

Рич так удивился, что не смог вымолвить ни слова. К несчастью, Джон оказался сообразительнее.

– Так этот господин арестован, как и мы? – быстро спросил он.

– Да, – подтвердил лейтенант. – Он убил королевского гвардейца в Вестминстерском аббатстве. Патруль арестовал его и доставил сюда за полчаса перед вами.

Джон протяжно присвистнул.

– Это произошло случайно, – разъярился Бэкингом. – В любом случае, я не собираюсь отчитываться перед кем-либо в своих действиях.

Лейтенант не обратил на его слова никакого внимания. Он отвел виконта в сторону и доверительно прошептал ему на ухо.

– Этот человек утверждает, что он – первый министр Англии.

Джон захохотал так громко, что прибежала стоявшая за дверью стража. Она решила, что арестованные поднимают бунт.

– Ну, Джордж, сейчас ты ответишь мне за все, – мысленно обратился он к брату, который мрачно смотрел на него, наверное, предчувствуя неладное. – Этот человек? – вслух повторил виконт. – Это несчастный безумец лорд Форсайт, который еще на прошлой неделе веселил королевский двор, вообразив себя петухом. Король поручил милорда покровительству епископа Лода, но он, как я вижу, улизнул из-под его опеки.

Анекдоты про несчастного лорда гуляли по Лондону уже давно, и даже неискушенный в придворных делах лейтенант слышал о нем.

– Так вот оно что! – хлопнул он себя по лбу. – А я-то думал...

– Джон, ты с ума сошел? – поинтересовался Бэкингом, которого совсем не обрадовала выходка брата.

– Не более чем ты, – отпарировал виконт.

– Да вы тут все сумасшедшие, – возмутился Бутвиль, отодвигаясь в сторону. – Лейтенант, я требую содержать меня отдельно от этих безумцев.

– Это решит комендант, – ответил тот, и, повернувшись к страже, приказал отвести арестованных в отведенное для них помещение.

– Но, сударь! – запротестовал Генри Рич, что, наконец, обрел дар речи. – Милорд действительно герцог Бэкингемский. Я, граф Холланд, Вам это говорю.

– Вы еще заявите, что я, виконт Пурбек, не знаю собственного брата, – хмыкнул Джон. Лейтенант схватился за голову.

– Уведите отсюда этих господ, – приказал он.

Стража охотно выполнила его приказ.

* * *

Очутившись в камере, разъяренный Бэкингом повернулся к Джону.

– Ты можешь быть доволен собою, – напустился он на брата. – Из-за твоей идиотской шутки мне не удастся сохранить инкогнито и теперь надо мной будет потешаться весь Лондон. И это сейчас, во время парламентской сессии!

– Если бы ты не совал нос в мои дела, ничего бы этого не было, – отозвался виконт, который уже немного успокоился. – И, потом, мы здесь только до прихода коменданта, а сэр Англиси слишком обязан тебе, и тут же забудет о нашем визите, как только мы покинем Тауэр.

Окинув брата уничтожающим взглядом, Бэкингом изо всех сил забарабанил в дверь. Стражник, стоящий изнутри, заглянул в решетчатое дверное окошко.

– Чего надо? – недовольно спросил он.

– Повежливее, мерзавец! – заорал герцог. – Немедленно зови сюда коменданта. Я хочу его видеть.

– Непременно передам ему Ваше желание, милорд, – пообещал тот. – Как только он приедет.

– А когда он приедет? – вмешался Холланд.

– Через неделю, – ответил солдат и, беззаботно засвистев, направился прочь. Рич тихо застонал.

– Стой, – остановил стражника виконт, который, убедившись, что дело принимает скверный оборот, решил вмешаться. – Получишь сто фунтов, если сообщишь графине Бэкингемской о моем аресте.

– А у Вас есть деньги? – недоверчиво поинтересовался тот.

Все деньги и драгоценности у арестантов предусмотрительно отобрали, видимо, чтобы избежать досадных недоразумений, но Джон не растерялся:

– Принеси мне бумагу, перо и чернила. Я напишу записку, а ты передашь ее моей матери в обмен на указанную сумму.

– А если не сделаешь этого, то будешь повешен, когда я выйду отсюда, – добавил Бэкингем.

Солдат разозлился.

– Тогда мне остается только надеяться, что Вы, милорд, останетесь здесь навсегда, – отчеканил он, и удалился.

– Джордж, ты был великолепен, – развел руками виконт.

Через час записка к графине Бэкингемской уже стоила тысячу фунтов, но перепуганный солдат уже не решался вступать в переговоры.

– Господи, в какой стране мы живем? – министр был в бешенстве. – Ну, что это за государство, где за деньги нельзя купить себе свободу??? И, подумать только, меня засадил в тюрьму собственный брат!

– А ты подсунил королю указ о запрещении дуэлей, – заметил Джон. – И, заметь, я вспомнил о нем только для того, чтобы сказать несколько слов в свою защиту.

– А я вот не жалею о судьбе, – льстиво вставил Холланд. – Нужно уметь жертвовать собой на благо государства. Указ о запрете дуэлей чрезвычайно полезен.

– Речь храбреца, – пробормотал де Бри.

Со всех узников он один философски отнесся к собственному заточению.

– Хоть выплусь, – пояснил гвардеец остальным, и в самом деле, уснул.

Воцарилась тишина. Остальные арестанты уныло разошлись по разным углам камеры. Бэкингем был слишком зол на брата, чтобы удостоить его разговором, а виконта, как назло, начала беспокоить рана, которая, о которой он и думать забыл. Он велел стражнику позвать врача, но тот, опасаясь, что это может быть очередная хитрость, пообещал сделать это только после того, как его сменит дежурный патруль. Видя страдания своего недавнего врага, Бутвиль, которое все это время молчал, решил заговорить и выложил товарищам по несчастью свой план освобождения. После долгих пререканий, те все же согласились поддержать француза, который, правду сказать, заставил их усомниться в собственном рассудке.

Первым делом Бутвиль изо всех сил забарабанил в дверь, и стучал до тех пор, пока не пришел охранник.

– Я же сказал, что не стану носить никаких записок, – заявил солдат.

– А Вас об этом никто не просит, – пожал плечами господин де Монморанси. – Я хочу немедленно сообщить о заговоре против жизни Его Величества. Вы, конечно, можете не двигаться с места, но, предупреждаю, это дело не терпит промедления.

Солдат струсил, и через полчаса в камеру вошел человек в чёрном одеянии.

– Кто хотел дать показания? – осведомился он.

– Я, – вышел вперед де Бутвиль. – Но, сначала, ответьте, сударь, знаете ли Вы этого человека?

Он указал на Бэкингема. Судейский, видимо, тоже недавно купил свою должность, потому что безразлично пожал плечами.

– Похоже, милорд, Вы не пользуетесь популярностью в своей стране, – заметил господин Монморанси расстроенному министру. – Вас никто не желает узнавать.

И тут же выдал остолебеневшему от удивления чиновнику ужасающую историю о заговоре против английской короны.

– Я боюсь называть имена, так как опасаюсь за свою жизнь, – закончил свой рассказ Бутвиль. – Детали обязуюсь сообщить лично Его Величеству.

– Вы с ума сошли? – возмутился судейский.

– Да Вы не сомневайтесь, сударь, – заверил его де Бутвиль, – за Ваше усердие Вам точно пожалуют пост Королевского прокурора.

Желание получить эту должность заглушило доводы рассудка, и скромный слуга закона отправился к своему дяде, который, был кузеном капитана королевской гвардии. И уже за ужином Его Величеству сообщили ужасающую новость, что группа лиц, подкупленные французами, покушались на его жизнь.

– Один из этих проклятых французов арестован, но он отказывается говорить, требуя встречи с Вашим Величеством, – сообщил ошеломленному Чарльзу капитан гвардейцев.

– Так везите его сюда! – приказал король. – Кстати, Бэкингом не объявился?

Герцога, который пропустил королевскую охоту, разыскивали весь день, но милорд, по понятным причинам, найден не был.

– А не замешана ли тут королева? – спросил непримиримый противник Бэкингема – граф Соммерсет, который, как назло, присутствовал при этом разговоре. – То есть, я хочу сказать, может, Ее Величеству что-то известно?

Король бросился в покои Генриетты. Королева, выслушав его сбивчивые обвинения, встревожилась, но предложила прекратить панику и дожидаться француза.

К моменту приезда Бутвиля, Уайтхолл напоминал грохочущий вулкан. И свита у француза была действительно впечатляющая – сорок королевских гвардейцев.

– Нет, так я ничего не скажу, – заявил он, увидев множество придворных, собравшихся, чтобы поглазеть на него. – Только королю.

Пришлось Чарльзу дать наглому французу личную аудиенцию, вернее, почти личную, поскольку в тот момент, когда стража ввела Бутвиля, через заднюю дверь кабинета неслышно вошла королева.

– Бутвиль? – удивилась она, – а Вы что здесь делаете?

– Вы что же, Ваше Величество, знаете его? – нахмурился король.

– Конечно, – улыбнулась Генриетта, и тот час же представила Его Величеству господина Монморанси, отрекомендовав его как «первую шпагу Франции».

Воспользовавшись замешательством короля, Бутвиль тут поведал Их Величествам печальную историю заключения в Тауэр виконта Пурбека, герцога Бэкингемского, лорда

Холланда, шевалье де Бри и его самого. Королева, слушая его, утирала слезы, выступившие от смеха. Чарльз изо всех сил старался сохранить серьезность, но это ему плохо удавалось.

– Даже если Вы все это выдумали, граф, – наконец, сказал он. – То это самая весёлая сказка, которую я слышал в своей жизни. Клянусь, я никогда так не веселился!

– Если не удастся сохранить все в тайне, над этой историей будет смеяться вся Европа, – заметила королева, строго взглянув на Бутвиля.

– Я буду нем, как могила, клянусь спасением своей души! – заверил ее Франсуа.

Король, которому уже было не до смеха, вызвал к себе лорда Денби – мужа сестры Бэкингема Сьюзен, и приказал ему в строжайшей секретности освободить узников, что и было исполнено. Таким образом, и закончилась эта история к полному удовлетворению всех ее участников, за исключением, разве что, графа Соммерсета, который долго не мог поверить в то, что никакого заговора не существовало, и еще долго пытался напасть на след заговорщиков.

– Он роет так глубоко, что, в конце концов, выроет себе могилу, так и не докопавшись до истины, – заметил Бэкингом, и оказался прав: эти исследования, наконец-то, переполнили чашу терпения короля, и Соммерсет был сослан в провинцию. На этот раз, навсегда.

Опала злейшего врага немного примирила Бэкингема с Бутвилем, во всяком случае, тот беспрепятственно покинул Англию, увозя с собой аббата Фанкана.

Джону Вилльерсу, которого полученная на поединке царапина немного излечила от излишней самоуверенности, предстояло провести по единогласному мнению врачей пару недель в постели. Виконт следовал их советам ровно три дня, после чего благополучно выздоровел. Трудно сказать, что привело к таким впечатляющим результатам, – усилия врачей, хорошее расположение духа больного (он радовался, как ребенок, вспоминая о своей проделке) или, все-таки, отъезд господина Монморанси. Тот возвратился во Францию, но дал себе слово непременно вернуться.

Глава 9: «У страха глаза велики».

Отъезд Бутвиля вернул и Бэкингеу хорошее расположение духа, только, увы, ненадолго. Виной тому были продолжающиеся раздоры с парламентом, который никак не желал голосовать за предоставление субсидий на военные нужды пока Бэкингеу находится у власти. И, хотя звезда графа Соммерсета уже погасла, в игру включился более опасный противник – Джон Дигби, граф Бристоль⁵⁰, который много лет был посланником при испанском дворе. Именно этот человек стоял за обвинительным актом против первого министра, который представили в палате общин депутаты Дадли Дигс и Джон Элиот. Этот примечательный документ занимал целых 54 страницы, и, чтобы ознакомить с ним всех собравшихся, оратор должен был обладать крепким горлом, а слушатели – незаурядным терпением.

– «Герцог, маркиз и граф Бэкингеу, граф Ковентри, виконт Вилльерс, барон Уоддон, – начал перечислять длинный список титулов Джорджа Вилльерса господин Дигс. – Главный адмирал королевств Англии и Ирландии, а также Уэльса, их доминионов и островов, города и области Кале, Нормандии, Гаскони и Гиени, генерал-губернатор морей и кораблей указанных королевств, генерал-лейтенант, адмирал, главный капитан и предводитель недавно созданных королевского флота и армии, главный конюший нашего владыки короля, лорд-хранитель, канцлер и адмирал Пяти Портов, констебль Дуврского замка, судья по вопросам лесов и охоты по эту сторону реки Трент, камергер Его Величества в его королевствах Англии, Шотландии и Ирландии, рыцарь высокочтимого ордена Подвязки сосредоточил в своих руках неслыханную власть, бремя которой не под силу удержать одному человеку...

– А это, сударь, не Вам решать, – вскочил с места задетый за живое герцог. – Все перечисленные должности были мне пожалованы королем, и я никогда не плел интриг, и, тем более, не платил за то, чтобы их получить! За одним исключением – я вынужден был купить у лорда Зуча должность адмирала Пяти Портов с единственной целью – чтобы контролировать все побережье королевства в интересах общественной безопасности, так как управление этими портами не попадает под юрисдикцию главного адмирала.

– А это звание Вы купили у Ноттингема за три тысячи фунтов! – не сдавался оратор.

– Да я добровольно отдал ему деньги после отставки! – возмутился Бэкингеу. – Чтобы хоть как-то компенсировать бедняге убытки от потери выгодной должности. И сделал это с разрешения покойного короля Джеймса...

– ...которого Вы отправили на тот свет! – ехидно закончил Дигс.

Бэкингеу побледнел. Проклятое дело об отравлении короля, которое он уже считал надежно похороненным в анналах истории, снова лезло наружу. Воспользовавшись замешательством министра и тишиной в зале (депутаты, изумленные смелостью оратора, наконец-то, замолчали), господин Дигс сумел достойно закончить свою речь:

– Господа, герцог, будучи камергером, без всяких предписаний сведущих людей и даже вопреки официальной точке зрения врачей, пользовал Его Величество некими пластырями и некой настойкой, которые медикам неизвестны, позабыв при этом о своем долге и сердечном почтении, каковые он должен был испытывать по отношению к столь священной особе. Эти средства произвели столь неблагоприятное воздействие, что врачи отказались продолжать лечение Его Величества, пока пластыри и настойку не перестанут применять. Сам король, чувствуя себя все хуже, считал, что причиной ухудшения являлись указанные пластыри и настойка. А это, господа! – возвысив голос, продолжил депутат, – это говорит о столь тяжком преступлении, что его можно охарактеризовать как измену и убийство!

⁵⁰ Джон Дигби, граф Бристоль (февраль 1580 – 16 января 1653) – английский дипломат, глава происпанской партии в Англии, посол Англии в Испании.

На трибуну вскочит и Элиот.

– Бэкингом – язва, разъедающая Англию! – заявил он. – Я искал в истории персонаж, с которым можно было бы его сравнить, и не нашел никого, кто больше походил бы на герцога, чем Сеян⁵¹, о ком Тацит говорит, что он был высокомерен, презрителен и постоянно смешивал свои интересы с делами государства... Милорды, таков и Бэкингом. Именно от него исходит все зло, именно он – причина несчастий; лишь его низвержение может дать надежду к улучшению положения дел...

Сраженный этими обвинениями, Джордж Вилльерс покинул парламент. Если бы он немного задержался, то услышал бы, как к обвинениям в фаворитизме добавились и придирки к плохо оснащенной экспедиции в Кадис⁵², и темное дело о штрафе в 10 000 фунтов с Ост-Индской компании⁵³, которое, впрочем, стараниями друзей герцога в тот же день растворилось в тонкостях морского и торгового права.

Впрочем, все эти проступки рядом с обвинением в монархоубийстве казались несущественными мелочами, и герцог понимал это, как никто другой. Поэтому, он сразу же помчался к королю, чтобы с помощью монаршего авторитета усмирить зарвавшихся парламентариев, но дорогу в королевские покои ему решительно преградил сэр Фрэнсис Коттингтон.

– Прошу прощения, милорд, но Его Величество никого не принимает, – заявил он.

Не будь сегодняшнего парламентского заседания, Джордж Вилльерс отодвинул бы Коттингтона в сторону и проследовал дальше, но сейчас он послушно остановился.

– Даже меня? – треснувшим от волнения голосом спросил министр.

Секретарь только развел руками. Бэкингом почувствовал, как земля уходит из-под его ног.

– Я погиб, – прошептал про себя всемогущий министр, который не имел никаких оснований не доверять своему агенту. – На этот раз, я действительно погиб.

Он вернулся домой, и заперся в своих покоях, запретив слугам его беспокоить.

* * *

Но прятаться от неприятностей – это худший способ их избежать, и, неизвестно, чем бы закончилась эта интрига, если бы в игру не вступили люди, чье благополучие всецело зависело от расположения Бэкингема. Пока лояльные к герцогу депутаты сражались в парламенте с его врагами, требуя арестовать и привлечь к суду за клеветнические речи Элиота и Дигса, целая делегация друзей и родственников Джорджа Вилльерса взяли в осаду Йорк-Хауз, чтобы встретиться с отчаявшимся министром. На помощь им скоро прибыл и виконт Пурбек.

– Джорджи, я доберусь до тебя, даже если мне придется поджечь дом, чтобы заставить тебя выйти! – заорал он, ломаясь в запертую дверь герцогской спальни.

Зная упрямство брата, Джон приготовился к долгой осаде, но дверь отворилась так быстро, что виконт даже не успел охрипнуть от крика и отбить кулаки о крепкое дерево.

⁵¹ **Луций Элий Сеян** (ок. 20 до н. э. – 18 октября 31 года) – государственный и военный деятель Римской империи, командующий преторианской гвардией, консул, временщик при принцессе Тиберии. После добровольного удаления Тиберия на остров Капри – фактический правитель Рима. В 31 году, находясь в зените могущества, был схвачен и казнён по обвинению в заговоре. Его дети были убиты, а само его имя – приговорено к забвению. Основной и наиболее ранний, но неполный и пристрастный источник сведений о Сеяне – «Анналы» Тацита.

⁵² Речь идет о неудачной морской экспедиции к берегам Испании, направленной на овладение золотом с испанских колоний (октябрь–ноябрь 1625 г.).

⁵³ **Ост-индская компания** – английская купеческая компания по торговле со странами Ост-Индии и Китаем, постепенно превратившаяся в организацию по управлению английскими владениями в Индии; существовала в 1600–1858 гг.

– Входи, – мирно проговорил Бэкингом, затягивая внутрь опешившего виконта.

Сам же, погрозив кулаком уже притихшим родственникам, снова запер дверь.

– Выпьем? – спросил он у Джона, и, не дожидаясь ответа, откупорил бутылку вина, и, протянув ее брату, взял еще одну себе. – Терпеть не могу пить в одиночестве.

– И за что же мы будем пить? – тяжело дыша, выдохнул виконт, который тщетно пытался отдышаться от недавнего волнения.

– За мои похороны. Aeternum vale!⁵⁴ Я умер, Джон.

– Брось! С королевской поддержкой ты легко закроешь рты всем своим недругам. К тому же, ты ни в чем не виноват!

– Разве в наше время непременно нужно быть в чем-то виновным, чтобы оказаться на эшафоте? – вздохнул Бэкингом, бросаясь на кровать. – Черт возьми! Чарльз не хочет меня видеть!

– Ты тоже не приглашал меня к себе, но это не помешало мне войти, – усмехнулся Джон. – А тебе, братец, давно бы следовало привыкнуть к нападкам недоброжелателей.

Бэкингом рывком сел на постели.

– Ты прав, – проговорил он. – Тысячу раз прав! Я все же лорд-камергер и имею право входить в королевские покои в любое время дня и ночи. Король должен завтра появиться в парламенте и выступить в мою защиту, иначе и лорды – трусливая свора, что до сих пор виляла хвостом в моем присутствии, вцепятся мне в глотку, следуя доброму примеру палаты общин. Но разве...

Он не договорил, потому что в дверь опять постучали.

– Я же приказал всем убираться к дьяволу! – крикнул герцог, и, запустив в дверь уже опустошенную бутылку вина, опять повернулся к брату.

Но требовательный стук опять помешал Бэкингему собраться с мыслями.

– Открой, – попросил он Джона. – Это, наверняка, Патрик. Другого такого упрямца во всем свете не сыщешь!

И, правда, на пороге стоял господин Роджерсон, который вручил своему господину записку от английской королевы, где Генриетта просила герцога немедленно явиться к ней, и копию депеши французского посла в Лондоне Тилльера, присланную герцогу его агентом, который был обязан не спускать глаз с дипломата.

Пробежав глазами послание королевы, герцог вскрыл и второе письмо.

– «Голиаф будет повержен...», – язвительно прочитал Бэкингом, и, зло скомкав бумагу, уже собирався бросить ее в огонь, но передумал и сунул в карман. – Ну, это мы еще посмотрим!

– Ты едешь к королеве? – Джон с беспокойством наблюдал за ним.

– Да, и немедленно. Будет гораздо лучше, если Генриетта узнает о том, что произошло в парламенте от меня, чем от графа Бристоля...

* * *

Когда министр переступил порог приемной Ее Величества, он с досадой понял, что его опередили.

– Герцог, мне сообщили, что в Англии произошел государственный переворот, – без обиняков заявила Генриетта. – Поэтому, я и пригласила Вас к себе, чтобы услышать подробности.

– Вы можете узнать их у своих французских друзей, – отпарировал Бэкингом, протягивая ей депешу Тилльера.

⁵⁴ Прощай невсегда! (лат.)

– При чем здесь Франция? – возмутилась Генриетта, принимая бумагу. – Вы думаете, Ришелье не понимает, что Бристоль, получив власть, развернет Англию лицом к Габсбургам?

– По-видимому, нет, – зло заявил Бэкингем. – Кажется, я в очередной раз обманулся, когда принял за чистую монету предложение кардинала о мире.

– Успокойтесь, милорд, – вздохнула королева. – Думаю, Ришелье искренне желает мира с Англией, только, как и наш парламент, не желает видеть Вас ее первым министром.

– Ладно, – согласился Бэкингем. – Я тоже желаю французам лучшего главу кабинета, чем этот святоша в сутане. Скажите лучше, откуда Вашему Величеству известно о роли Бристоля в подготовке импичмента?

– Так он сам мне обо всем рассказал, желая заручиться моей поддержкой, – пожала плечами Генриетта.

– Когда?

– Около часа назад. И я сразу же отправила за Вами слугу.

– Значит, граф еще не виделся с королем?

– Нет. Коттингтон его не пустил...

– Я убью... я уничтожу этого дурака Коттингтона! – заорал герцог, хватаясь за голову. – Тысяча извинений, Мадам, но я должен Вас покинуть.

– И куда же Вы так спешите, милорд? – с улыбкой произнесла Генриетта.

– К королю. О, воображаю, что этот негодяй Бристоль успел наболтать обо мне Его Величеству!

– Можете не торопиться, герцог, – королева продолжала улыбаться. – Граф сейчас не у Его Величества... хотя, не спорю, если бы он был там, то, наверняка, сообщил бы королю все то, о чем Вы только что изволили говорить.

Бэкингем остановился.

– И где же граф? – удивленно спросил он.

– Здесь.

Герцог машинально огляделся вокруг и вопросительно уставился на королеву.

– Здесь, – смеясь, повторила она, и, отворив дверь в соседнюю комнату, указала министру на мирно храпящего в кресле лорда Бристоля.

Бэкингем раскрыл рот от удивления.

– Он будет спать еще часа три, если не больше, – заверила герцога королева. – Сонное зелье моего парфюмера всегда действует безотказно, так что у Вашей светлости еще есть время рассказать мне историю о пластырях и настойках.

– Вы спасли мне жизнь, Ваше Величество, – Бэкингем уже начал верить, что сумеет и на этот раз выйти сухим из воды.

– Нет, герцог, всего лишь отстрочила смертный приговор. Остальное будет зависеть от Вашего рассказа.

– Ох, Мадам, – вздохнул министр, и, махнув рукой на все правила этикета, бессильно растянулся в кресле. – Как бы мне хотелось говорить с Вами о более приятных вещах! Но, так и быть, слушайте... Когда покойный король лежал на смертном одре, я делал все возможное, чтобы спасти жизнь Его Величества. Следуя советам сведущих людей, я попытался вылечить короля неким чудодейственным снадобьем и целебными пластырями, которые когда-то поставили на ноги и меня самого. А теперь мне это вменяют в преступление!

– Я Вам верю, – кивнула Генриетта. – Но лучше заявить Вашим врагам, что король сам пожелал принять эти лекарства, и Вы не посмели противиться воли Его Величества, тем более, что лечение придворных медиков облегчения не принесло.

– Я так и сделаю, – согласился герцог. – Но это еще не все.

– Что еще?

– Королевские медики Крейг и Иглишем, узнав о том, что король принимает неизвестные им лекарства, кричали на весь Лондон, что снимают с себя ответственность за здоровье Его Величества, чем очень меня разозлили. Не вдаваясь в подробности, скажу, что я приказал этим господам покинуть дворец под угрозой заключения в Тауэр... Я уверен, Бристоль ухватится за эту историю, чтобы подтвердить свои обвинения.

– Этого еще не хватало! И где сейчас эти господа?

– Крейг в Лондоне, а негодяй Иглишем сбежал в Амстердам, где опубликовал памфлет «Глашатай мщения», выставляющий меня убийцей и отравителем. И, вообразите себе, моя королева, этот мерзавец дошел до того, что предложил мне свои услуги для выпуска опровержения на свою же книгу за 400 фунтов! Разумеется, я послал его к дьяволу.

– Да, тут остается надеяться только на благоразумие короля, – вздохнула Генриетта. – Почему же Вы сразу не пошли к нему?

– Я пытался, но Коттингтон меня не пустил...

– Это еще почему? – нахмурилась королева. – Герцог, если окажется, что Чарльз сейчас не один, и что Вы за моей спиной подложили моему мужу очередную фаворитку, я разбужу Бристоля и сделаю все, чтобы он получил аудиенцию у Его Величества, предупреждаю Вас!

– Если король и обзавелся любовницей, то без моей помощи, – возмутился Джордж Вилльерс. – И, если это действительно так, то верьте мне, Мадам, я огорчен не меньше Вас.

Генриетта недоверчиво прищурилась.

– Как бы там ни было, но установить истину мы сможем, только навестив короля, – примирительно произнес Бэкингам.

– Вы правы, милорд, – согласилась Генриетта. – Идите, и пусть поможет Вам Бог.

– А Вы?

– А я подожду Вашего возвращения. Если я увижу короля в объятиях другой женщины, мне непременно придется устроить ему хороший скандал, на что у меня нет ни желания, ни сил. Чарльз уже и так не заглядывал ко мне целую неделю...

Бэкингам, хорошо знающий причину такой невнимательности короля, покраснел, и, поцеловав руку королевы, вышел.

А в это время король Англии, уединившись в своем кабинете, писал своему шурину, королю Франции письмо, где жаловался на непокорную супругу, даже не подозревая, какая буря собирается за его спиной. Впрочем, из блаженного неведения его выдернул все тот же Коттингтон, который, узнав последние новости из парламента, поспешил сообщить их своему господину.

– Если Бэкингам – Сеян, то, я, следовательно, Тиберий⁵⁵! – выслушав его рассказ, вскричал до глубины души оскорбленный король. – Что имел в виду этот мерзавец Дигс, говоря о чести короля? Что я являюсь соучастником убийства своего отца? В Тауэр! Его и этого негодяя Элиота, который, кажется, забыл, что своей адмиральской должностью он обязан Бэкингаму... Стини! – воскликнул Чарльз, увидев Джорджа Вилльерса, который как раз вошел в кабинет, и удивленно прислушивался к разговору. – Дорогой друг, воистину прав был апостол Павел, когда говорил, что добрые дела обладают короткой памятью, а вот

⁵⁵ **Тиберий** Юлий Цезарь Август (42 год до н. э. – 37 год н. э.) – второй римский император (с 14 г.) из династии Юлиев-Клавдиев, прославившийся своей жестокостью. Согласно Библии, именно в его правление был распят Иисус Христос.

людская неблагодарность безгранична... Но, не волнуйся, завтра я сам буду в палате лордов, и горе тому, кто посмеет выступить против тебя. Твои враги – мои враги!

На следующий день король действительно выступил в палате лордов, и его речь в защиту министра дышала тем же жаром и праведным возмущением, высказанным накануне. Это заступничество аукнулось Чарльзу через двадцать два года, когда уже ему самому пришлось давать ответ парламенту, обвинявшего своего короля в том, что тот был сообщником Бэкингема в убийстве собственного отца...

Перед палатой общин выступил по поручению Его Величества лорд Карлтон, и его речь, в которой он умолял господ депутатов, «не поступать таким образом, который может заставить короля забыть о своей любви к парламенту», предостерегая их о возможном роспуске и, вообще, упразднении парламента как оплота демократии. Возможно, что все эти речи и усмирили бы горячие головы парламентариев, если бы Его Величество не перегнул палку арестом Элиота и Диггса, и не заставил профессоров Кембриджского университета избрать Бэкингема своим ректором.

Это было уже слишком для палаты общин, которая расценила новое назначение ненавистного министра как провокацию. Стоит ли удивляться тому, что защитная речь Бэкингема перед палатой лордов не нашла горячего отклика в сердцах господ депутатов.

Парламент был распущен, оставив правительство без денег, а, значит, без флота и армии.

Ришелье мог спать спокойно: в таких условиях было полнейшей бессмыслицей не только начинать военную кампанию против Франции, но и продолжать войну с Испанией. Понимая все это, Бэкингом все же решил выслать из страны французского посла и епископа Мандского. Он без труда убедил в этом короля, ознакомив его с той же той же злополучной депешей графа Тилльера. У короля еще не изгладились из памяти неприятности последней парламентской сессии, поэтому, он отнесся к документу с должным вниманием.

– Стини! – воскликнул Чарльз, прочитав его. – Гони этих французов прочь как диких зверей! И в первую очередь исповедника королевы – епископа Мандского со всей его францисканской свитой. Вообрази себе, на публичном обеде этот осел в сутане посмел перебить латинским песнопением моего духовника, читающего молитву! И потом, – король запнулся, но все же продолжил: мне сказали, что именно епископ настраивает против меня жену, говоря, что она губит свою душу, когда ложиться в постель с еретиком.

Бедный король Англии склонен был обвинять весь мир в холодности Генриетты, не подозревая, что истинный виновник всех недоразумений находится перед ним.

– Итак, – закончил Чарльз уже увереннее, – Стини, я велю тебе завтра же выгнать этих французов из Лондона. Если можешь, делай это деликатно, но без долгих разговоров. Если не получится – применяй силу. Повторяю тебе, гони этих месье как диких зверей, пока они не сядут на корабль. И, пускай их заберет дьявол!

– Я? – ужаснулся герцог, в чьи планы совершенно не входила ссора с королевой. – Да я скорее сам брошусь в Ла-Манш, чем стану принимать участие в этом предприятии. Думаю, столь щекотливую миссию нужно поручить духовному лицу. Епископу Лоду⁵⁶, например. В конце концов, изгнание бесов – его святая обязанность.

– Хорошо, – согласился король. – Так и будет. Что же касается Коттингтона, которого Вы настойчиво советуете мне выдворить из дворца, то его роль в этом деле кажется мне не столь очевидной, как Вы говорите.

Бэкингом побоялся настаивать.

⁵⁶ Лод Уильям (7 октября 1573 – 10 января 1645), английский церковный деятель, ближайший советник английского короля Чарльза I Стюарта, архиепископ Кентерберийский с 1633 года. Церковная политика Лода была направлена на сближение догматики англиканства и католицизма. С началом Английской революции он был обвинен в государственной измене и был казнен по приговору суда Долгого парламента.

– Ничего, господин Коттингтон, я еще доберусь до Вас, – мстительно подумал он. – В, конце концов, отложить сражение – это еще не значит его проиграть!

Глава 10: Ложь во спасение.

– Дорогой друг, наконец-то Вы вернулись! – воскликнул Ришелье, едва аббат Фанкан переступил порог его приемной.

Он схватил священника в объятия, но тут же выпустил, поскольку тот, страшно побледнев, застонал от боли. Следы перенесенных пыток намертво вписались в худое изнеможенное тело несчастного, и только нечеловеческая радость от того, что он еще жив, поддерживала в нем жизнь и вызвала к мщению.

– Боже мой, что с Вами сделали? – воскликнул кардинал.

– И, главное, кто? – подал голос отец Жозеф, жестом приглашая аббата сесть.

Фанкан тяжело опустился в предложенное кресло, и, с трудом вытянув больные ноги, простонал:

– Она...

Ришелье и господин дю Трамбле переглянулись.

– Кто это – она?

– Блудница Вавилонская – английская королева, – ответил Фанкан, замотав головой, прогоняя страшные грезы.

Герцог Бэкингем был прав – аббат действительно не решился рассказать кардиналу о своей связи с маркизом де Молина и его орденом. Не стал он упоминать и английского министра, сосредоточив всю свою ненависть на Генриетте.

– Но зачем Вы понадобились королеве? – удивился кардинал.

Священник усмехнулся.

– Вы помните господина д'Эгмона, Ваше Преосвященство? – спросил он.

Ришелье громко вздохнул. Арман д'Эгмон, граф де Ла Рош-Гюйон был его тайным агентом среди гугенотов, и поступил к нему на службу раньше, чем умудрился влюбиться в Генриетту Французскую. В свое время эта связь принесла Его Высокопреосвященству немало беспокойства, но еще больше его потрясло таинственное убийство графа, которое до сих пор осталось нераскрытым.

– После смерти Армана гугеноты потеряли всякий страх, – признался он. – Особенно их глава – принц Субиз, который, прежде, слушал только д'Эгмона, а теперь советуется лишь с дьяволом, забыв всякое почтение к монаршей власти... Да, мне очень не хватает графа Ла Рош-Гюйона!

– Королеве Генриетте, по-видимому, тоже его не хватает, – ответил Фанкан. – Заподозрив, что Вы, Ваше Преосвященство, причастны к убийству графа, она приказала своим людям похитить меня, Вашего верного слугу, чтобы узнать подробности гибели д'Эгмона.

Ришелье схватился за голову.

– Так вот в чем причина ее ненависти ко мне! Я, надеюсь, Вы сообщили Ее Величеству, что я бы и сам дорого заплатил тому, кто назвал бы мне убийцу Армана?

Фанкан мрачно засмеялся.

– В свое время, граф Рошфор пытался переубедить Генриетту. Ваше Преосвященство может поинтересоваться, удалась ли ему эта попытка.

Рошфор, который несколько дней назад благополучно вернулся из Брюсселя, и только что вошел в приемную, страшно побледнел, услышав этот разговор. Бросившись на колени перед кардиналом, он открыл подробности допроса, устроенного ему когда-то Генриеттой⁵⁷. Ошеломленный услышанным, Ришелье так набросился на несчастного, посмеявшегося скрыть

⁵⁷ Об этих событиях рассказывается в книге «Путь к власти»

от него такую важную информацию, что пришлось вмешаться отцу Жозефу, опасавшегося потерять своего лучшего агента.

– Не судите графа слишком строго, – заступился за Рошфора и Фанкан. – Я тоже пытался убедить Ее Величество в Вашей невинности, но Вы сами можете видеть результат моих усилий.

С печальной улыбкой аббат приподнял сутану, открывая изумленным взорам слушателям раны, оставленные щипцами палача «Молчаливых».

– Дьяволица... – прошептал Ришелье.

– Тогда почему же королева Вас отпустила? – поинтересовался отец Жозеф, который, в отличие от своего впечатлительного друга, привык доверять фактам, а не эмоциям.

– Отчаявшись убедить это исчадие ада в том, что мне ничего неизвестно о гибели д'Эгмона, я признался королеве, что граф состоял на службе у Вашего Преосвященства. Поскольку, то же самое ей говорил граф Рошфор, Генриетте пришлось поверить моим словам. Но, так как Ее Величеству непременно хотелось знать, кто убил ее возлюбленного, мне пришлось придумать историю о том, что убийцей графа был влюбленный в герцогиню де Шеврез граф де Шале... Вы помните, Ваше Преосвященство, этот мерзавец убил на дуэли моего племянника?.. Герцогиня когда-то была без ума от д'Эгмона. Английская королева знала об этом, и, поэтому, приняла мои слова за чистую монету. Не судите меня слишком строго, но трудно придумать что-нибудь более правдоподобное, когда видишь перед собой раскаленные щипцы.

Он замолчал, потому что его собеседники разом расхохотались.

– Каким неоценимым человеком оказался господин д'Эгмон, – смахивая слезы, проговорил отец Жозеф. – Граф умудряется служить Вашему Преосвященству даже после смерти. Я мало знал людей, способных на такую преданность!

– Да, с ним может сравниться только почтенный господин Фанкан, – согласился Ришелье. – Теперь я понимаю, почему английская королева так жаждет смерти этого дурака Шале! В своем письме, которое доставил мне из Англии граф де Бутвиль, Ее Величество недвусмысленно требует голову графа, обещая взамен приложить все усилия, чтобы сохранить мир между Англией и Францией.

– Я бы предпочел, чтобы это обещание исходило от Бэкингема, – вздохнул отец Жозеф. – Ни в чем нельзя быть уверенным, пока этот человек правит Англией. А наш заговор против него потерпел поражение...

– И все-таки приятно, что я смогу разделаться со своим врагом и, одновременно, доставить удовольствие Ее Величеству, – усмехнулся кардинал. – Осталось решить, что делать с господином Монтегю, который сейчас доставляет немало хлопот коменданту Бастилии...

* * *

Этот же вопрос Ришелье повторил и самому узнику, которого навестил уже через два часа после того, как отец Жозеф и аббат Фанкан покинули дом кардинала, и Его Высокопреосвященство смог посетить узника в Бастилии.

– Ну, и что же мне с Вами делать, милорд? – задумчиво протянул Ришелье, пытливо рассматривая стоявшего перед ним Уолтера Монтегю, который даже в заключении не потерял присутствия духа.

– Я полагаю, в Англии уже заметили мое исчезновение, – зевнул Уолтер. – И такой умный человек как Ваше Преосвященство, наверняка, не станет обострять отношения между нашими странами, продолжая держать меня в заточении.

– Конечно, – согласился кардинал. – Вы свободны, милорд. Но, прежде, чем Вы выйдете отсюда, – поспешно добавил он, видя, что обрадованный арестант уже сделал шаг

к двери, – я хочу сделать Вам одно предложение. Мне известно, что, состоя на службе у английской королевы, Вы верно служите еще одному человеку – герцогу Бэкингемскому. Я знаю, что отношения между Ее Величеством и первым министрам Англии оставляют желать лучшего. Как Вы думаете, сударь, что сделает королева, если узнает о Вашем предательстве?

Монтегю закусил ус, чтобы не расхохотаться. Он действительно поступил на службу к королеве по приказу Бэкингема, о чем в свое время честно сообщил Ее Величеству, но сумел сохранить прекрасные отношения с министром, который не терял надежды вновь использовать умного молодого человека в своих целях. Поэтому, Уолтер мог не бояться происков Ришелье, понимая, что в любом случае, его освобождение неминуемо. Но он счел для себя полезным сделать вид, что испугался, и, после долгих фальшивых колебаний, в конечном счете, принял предложение кардинала поступить к нему на службу.

Покинув Бастилию в самом приподнятом настроении, и, ощущая приятную тяжесть в карманах, набитых кардинальскими деньгами, Монтегю тут же направился к себе, на улицу Ада, где, слуги сходили с ума от беспокойства, уже столько времени не получая вестей о своем господине. Впрочем, разыскивали Уолтера не только слуги, – герцогиня де Шеврез, узнав о внезапном исчезновении любовника, ежедневно посылала к нему домой лакея, чтобы узнать какие-нибудь новости.

Но сегодня за новостями прибыл не лакей, а молодой дворянин, который чрезвычайно обрадовался, увидев сэра Уолтера живым и невредимым.

– Я должен немедленно сообщить о Вашем возвращении Ее светлости, – заявил Лувињи (так звали молодого человека). – Но будет лучше, если Вы последуете за мной и объяснитесь с герцогиней.

– Я так и сделаю, – согласился Уолтер, который, желая поскорее вернуться в Англию, решил разом покончить со всеми французскими делами, продолжать которые уже не имело смысла.

Приказав лакею согреть горячей воды для ванной, Монтегю принялся за чтение писем, которые пришли во время его отсутствия. Отложив в сторону те, что могли подождать своей очереди, милорд вскрыл письмо от королевы Англии, которое было доставлено вчера вечером. Генриетта требовала его немедленного возвращения в Лондон.

Поскольку, приказ Ее Величества совпадал с его собственным желанием, Уолтер не стал писать ответ, рассчитывая не позднее, чем завтрашним утром покинуть Париж.

Следующее письмо озадачило его намного сильнее. Написанное герцогом Бэкингемским, оно содержало требование министра и дальше оставаться во Франции, чтобы довести до конца предприятие, задуманное Шевреттой.

– Черт знает что! – в сердцах воскликнул Уолтер. – Как бы я не старался услужить двум господам, один из них все равно будет недоволен. Ну, и что мне теперь делать?

Господин Лувињи, который все это время терпеливо его ожидал, красноречиво кашлянул. Пробудившись от неуместной задумчивости, Монтегю все же решил отложить решение на потом, и, наскоро приведя себя в порядок, последовал за услужливым молодым человеком к герцогине де Шеврез.

Глава 11: Ловушка захлопнулась.

Пока Уолтер Монтегю сидел в Бастилии, французские заговорщики окончательно растеряли уверенность в успехе заговора. После ареста господина д'Орнано, об убийстве Ришелье уже никто не помышлял, более заботясь о спасении собственной жизни. Все это Монтегю сообщила герцогиня де Шеврез, которая и не думала скрывать радость, что видит любовника живым и невредимым. Но, как только первые восторги от встречи улеглись, пришел черед политических интриг, которые занимали прекрасную герцогиню не меньше, чем любовные приключения. Из всех заговорщиков она одна не потеряла присутствия духа, и, видя всевозрастающую панику в рядах бывших единомышленников, приняла решение их образумить, назначив свидание в доме, принадлежавшем господину де Лувињи.

– Так что, дорогой друг, Вы пришли вовремя, чтобы помочь мне успокоить наших друзей, – весело произнесла герцогиня, которая все это время отнюдь не бездействовала. – Сейчас, когда мне и господину де Шале удалось заручиться поддержкой инфанты Изабеллы и короля Филиппа, не время топтаться на месте. Нужно действовать, и чем скорее, тем лучше.

Но ее пылкие речи не разожгли огня в расчетливой душе англичанина, который был полон решимости вернуться в Лондон, и настойчиво призывал герцогиню последовать его примеру.

Тем не менее, в назначенное время встреча состоялась. Кроме герцогини де Шеврез и Монтегю, на ней присутствовали принц Конде, братья Вандомы, граф Суассон и все тот же господин Лувињи. Уолтер удивился такому доверию неизвестному ему господину, но, оказалось, что услужливый молодой человек ранее состоял на службе у Генриетты Французской еще до ее замужества с королем Англии, и пользовался полным доверием молодой принцессы. Успокоенный Монтегю тут же забыл о господине Лувињи, полностью сосредоточившись на других гостях герцогини.

– Я не вижу Анжуйского, – отметил герцог де Бофор, оглядев всех присутствующих. – Впрочем, чему я удивляюсь! Этот трус теперь и носа не высунет из Лувра,

– Придет, – махнул рукой граф де Суассон. – Хотя бы для того, чтобы встретиться со мной.

– Зачем? – нахмурился принц Александр.

– Гастон желает, чтобы я помог ему бежать из Франции...

Граф не договорил, потому что на пороге появился сам герцог Анжуйский. Принц был бледнее обычного, и вошел в комнату, прихрамывая на левую ногу.

– Проклятая парижская мостовая, – пожаловался он, кривясь от боли. – И шагу нельзя ступить, чтобы не утонуть в грязи или же не сломать себе шею, споткнувшись о булыжник.

Великий Приор громко захохотал.

– Да, братец, с вывихнутой ногой ты далеко не убежишь. Впрочем, со сломанной шеей бежать было бы еще труднее!

Гастон укоризненно взглянул на Суассона.

– Луи, я же просил тебя хранить тайну... Ты даже не представляешь, чего мне стоило выбраться из Лувра! Шпионы кардинала следят за каждым моим шагом.

– Прекратите истерику, Ваше Высочество! – прикрикнул Великий Приор, и, обратившись ко всем собравшимся, продолжил уже спокойнее. – Вот уже несколько недель мы с Вами, господа, словно крысы, сидим в своих замках, трепеща перед неизвестностью, и пугаем друг друга нелепыми выдумками. Чего молчите, Монсеньор? – подмигнул он Гастону. – Не Вы ли первый начали паниковать?

– А что мне оставалось? – оскорбился герцог Анжуйский. – Мы планировали убить Ришелье во Флери, его собственной резиденции, не так ли? Следуя нашему плану, я организовал охоту в тех местах, чтобы принудить кардинала оказать мне гостеприимство. Господин де Шале, который клялся, что заколет Ришелье своей собственной шпагой, поскакал во Флери, чтобы сообщить кардиналу о моем визите. И что же? Граф застал в неукрепленном прежде замке целый гарнизон солдат, а Ришелье принял его, окруженный вооруженными до зубов телохранителями...

– Да твой Шале просто струсил, – бросил Великий Приор. – А тебе, братец, все же следовало поехать во Флери, и закончить начатое дело.

– Но как? – возмутился Гастон. – Ришелье сообщил графу, что предоставляет весь замок в мое распоряжение, а сам возвращается в Париж, чтобы не стеснять меня своим присутствием. Конечно, я тут же отменил уже бесполезную охоту. Что, чёрт возьми, мне ещё оставалось делать? А маршал д'Орнано? Ты же не будешь утверждать, что его арест – простая случайность?

– Если Ришелье действительно знает о заговоре, то среди нас, господа, завелся предатель, – вскопчил принц Конде. – И если я узнаю, кто он, то этому мерзавцу не поздоровится. Я не так давно вышел из Бастилии, где провел четыре года по милости «красного дьявола», и не собираюсь туда возвращаться!

Принц окинул свирепым взглядом всех собравшихся, а его седые усы угрожающе зашевелились.

– Вы кого-то подозреваете, Ваше Высочество? – вмешалась Мари де Шеврез.

– Всех, – заявил тот, сжимая эфес шпаги. – Вот Вы, милорд, какого дьявола до сих пор торчите в Париже, рискуя снова оказаться в Бастилии? Я так и не понял, как Вам удалось благополучно из нее выбраться?

Монтегю, который уже устал повторять, что освобождением он обязан вмешательству английской королевы, только вздохнул и красноречиво взглянул на герцогиню де Шеврез. Та нежно ему улыбнулась.

– Хватит! – воскликнул Великий Приор. – Здесь нет предателя, потому что Ришелье ничего не знает. Довожу до Вашего сведения, господа, – продолжил он уже тише, видя, что глаза заговорщиков устремлены на него, – Вчера я сам, желая убедиться в том, что нам ничего не грозит, поехал к кардиналу. Я попросил у Ришелье должность командующего морскими силами королевства, и кардинал милостиво пообещал мне ее.

Сказав так, Великий Приор торжествующе уставился на Монтегю, желая убедиться, какое впечатление произвели на него эти слова.

– Вот как? – нахмурился Уолтер. – Но обещать – еще не значит сделать.

– Что Вы хотите этим сказать?

– Только то, что сказал, Монсеньор. Но если указ о Вашем назначении уже у Вас в руках, то я с радостью заберу свои слова обратно.

– Ришелье непременно дал бы мне его, но, к сожалению, такая бумага должна быть подписана королем. Поэтому, после визита к кардиналу, я сразу же поехал к Людовику, чтобы просить его об этой милости.

– И Его Величество принял Вас не менее любезно, чем Его Преосвященство, – усмехнулся Монтегю.

– Разумеется, – отрезал Великий Приор. – Король выговорил мне, что мы с братом избегаем его общества, и пригласил на ближайшую охоту в окрестностях Блуа, так как королевский двор, устав от парижской духоты, собирается предпринять небольшое путешествие по Бретани. А когда я заметил, что Сезар боится гнева Его Величества, потому что враги нашего Дома распространяют досужие сплетни о его участии в каком-то заговоре...

– Ого! Вот это смело! – воскликнул Конде.

– И умно, – вставила герцогиня.

– ... то король сказал мне следующее: «Пусть приезжает! Пусть смело приезжает, я даю Вам свое королевское слово, что ему сделают не больше зла, чем Вам". Так что, господа, мы с Сезарем едем на королевскую охоту, а Вы можете и дальше дрожать от страха.

– И я могу остаться во Франции? – радостно спросил Гастон.

– Разумеется, братец. Ты, хоть и не король, но все же наследник французского престола. И рано или поздно все же наденешь корону, потому что Людовик вряд ли озаботит себя рождением сына.

– Я полагаю, что Англия с радостью даст приют Вашему Высочеству, – задумчиво проговорил Монтегю. – Я не доверяю Ришелье, и если Вы, Монсеньор, решитесь принять мою помощь, я ручаюсь, что...

– ...что наследник престола превратиться в государственного преступника, – отрезал Великий Приор. – Послушай, Гастон, ты что, не понимаешь, какую роль тебе уготовил этот англичанин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.